2015
1734

БУРХОН ФАРРУХ

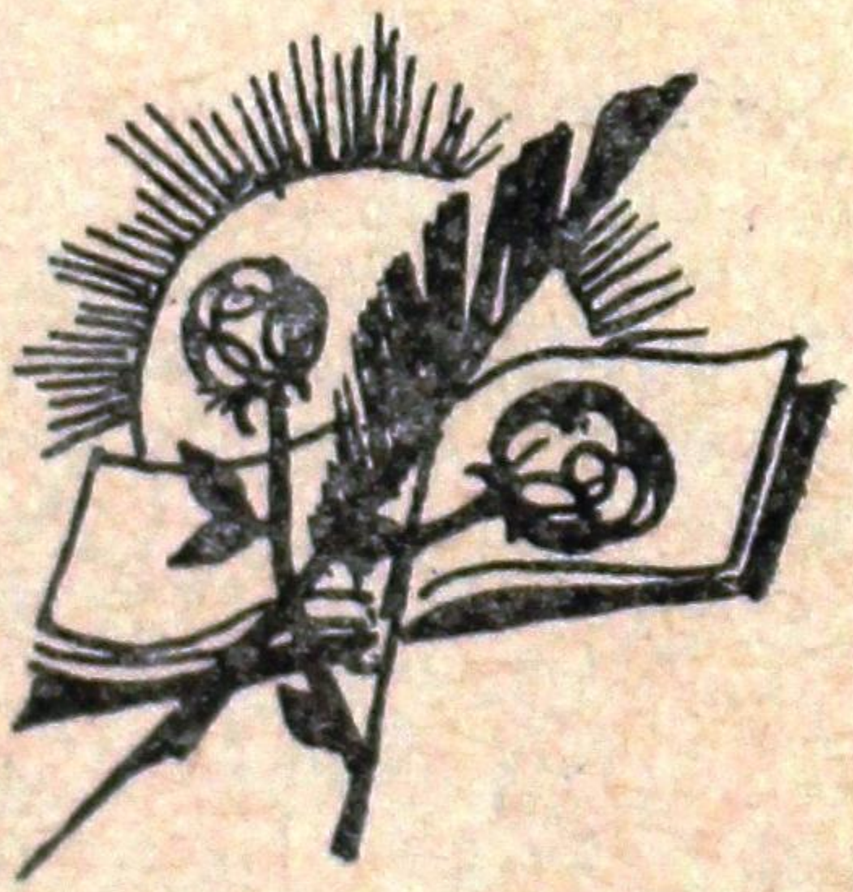
ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ С ЗАРИ

БУРХОН ФАРРУХ

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ С ЗАРИ

(СТИХИ И ПОЭМА)

ДУШАНБЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИРФОН»
1986

ББК 84 Тадж 7—5
Тадж 2
Ф 25

МУАССИСАИ ДАВЛАТИИ
КИТОБХОНАИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН»

2015/1134

С (Тадж) 2

Фаррух, Бурхон.

Ф 25 Жизнь начинается с зари: (Стихи и поэма) Бурхон Фаррух (Б. Махкамов). — Душанбе, Ирфон, 1986. — 144 с.

В новый сборник стихов Бурхона Фарруха вошли гражданские, лирические и патриотические стихи и поэма «Жизнь начинается с зари».

Б $\frac{4702050020—70}{M\ 501(13)—86}$ 208—86

ББК 84 Тадж 7—5
Тадж 2

©

000035354
Китобхонаи миллии Тоҷикистон

ОБ АВТОРЕ

Бурхон Фаррух (Б. Махкамов) родился 10 августа 1929 года в кишлаке Саримазор Сарикуйского сельсовета Канибадамского района в семье служащего. В 1944 году окончил одногодичные курсы по подготовке учителей-предметников. Работал старшим пионервожатым и учителем в школе им. Челюскина.

В 1948 году закончил литературный факультет Ленинабадского педагогического института. Преподавал таджикский язык и литературу в Канибадамском педагогическом училище и средних школах Душанбе. В 1950—1953 гг. служил в парашютно-десантных войсках. После демобилизации из рядов Советской Армии работал в Канибадаме инспектором районо, пропагандистом райкома партии и первым секретарем райкома комсомола.

В феврале 1956 года избирался секретарем ЦК ЛКСМ Таджикистана. С 1957 — по 1962 год был редактором объединенной редакции газеты «Пионери Точикистон» и журнала «Машъал», а затем — заведующим редакцией художественной оригинальной литературы издательства «Ирфон». С 1965 года — Главным редактором Государственного комитета Таджикской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. С 1978 года является заместителем Главного редактора издательства «Маориф».

Бурхон Фаррух свои первые стихи напечатал в конце Великой Отечественной войны. Он — автор поэтических сборников: «Весенние зори» (1964), «Секрет одного письма» (1965), «Прославляю молодость» (1970), «Волшебный купол» (1974), «Песня жизни» (1976), «Сын Родины» (1977), «Улыбка счастья» (1979), «Счастье» (1981), «До захода солнца» (1983) и «Последняя ошибка» (1984). На русском языке изданы его сборники стихов: «Поэма о слепом друге» (1969) и «Мелодия молодости» (1972).

Перевел на таджикский язык сборники стихов Максима

Танка «Цветник счастья» (1965), Н. Орловой «Ребятам про глаза» (1967), Леси Украинки «Старая сказка» (1971), коллектива авторов «Они были пионерами» (1979), Милн А. А. «Винни-Пух и другие» (Повесть-сказка, 1980), Михи Квливидзе «Три дождя» (1982), Аветика Исаакяна «Мое сердце в вершинах гор» (1984) и произведения русских, белорусских, узбекских, казахских и азербайджанских поэтов.

Отдельные его стихи переведены на русский, белорусский, украинский, казахский, армянский, грузинский и другие языки и напечатаны во многих коллективных сборниках. Его сборник стихов «Волшебный купол» в 1981 году издан на узбекском языке в Ташкенте.

Бурхон Фаррух хорошо знает жизнь, службу, радости и трудности воинов парашютно-десантных войск. Вот почему и появился цикл стихов о бойцах-десантниках, в которых поэт с теплотой и любовью говорит о тех, кто ночами не спит, стоит на страже Родины, —

Чтоб людям хватило и мира и хлеба
Под шелковым куполом синего неба.

В книгу «Жизнь начинается с зари» вошли гражданские, лирические, патриотические стихи и поэма. Поэт пишет о вечной молодости, о счастливой юности, о родном крае необъятных гор и долин, о делах и заботах земляков. Через все произведения поэта проходит мотив доброты, щедрости человеческой души, любви к Родине.

Новая поэма «Жизнь начинается с зари» посвящена труженикам сельского хозяйства — заслуженным и известным хлопкоробам. Герои поэмы — передовые бригадиры и ветераны труда. Главная героиня поэмы — председатель колхоза «Москва» Канибадамского района Энаджон Байматова — член Центрального Комитета Коммунистической партии Таджикистана, депутат Верховного Совета Таджикской ССР, Герой Социалистического Труда. В поэме воспевается ее трудовой подвиг, человеческая и материнская красота. Огромен ее вклад в развитие хлопководства в Таджикистане. Почти 25 лет она руководит большим многоотраслевым хозяйством, которое ежегодно выполняет и перевыполняет планы и социалистические обязательства. Энаджон любима колхозниками не только как председатель, но и как мать и сестра. Об этом и пишет автор в данной поэме.

Сборник поможет читателю лучше познакомиться с творчеством Бурхона Фарруха.

СТИХИ

ПЕСНЯ
ЛЕНИН
ЗОДЧИЙ
ЗАРЯ ОТЧИЗНЫ
ОДА ХЛОПКОРОБУ
СЫН НАРОДА
ЛЮБОВЬ ЖИЗНИ
ВОЛШЕБНЫЙ КУПОЛ

ПЕСНЯ

До чего же ты прекрасен
(Скажу не тая),
Край мой —
Родина розы и соловья!
Это — счастье мое,
Это — гордость моя,
Что родился я в Таджикистане!

Я — счастливец, Фаррух:
Я родился, когда
Мой народ позабыл даже слово «беда» —
В пору вечной свободы, весны и труда,
И — родился я в Таджикистане!

Мне от счастья ключи
Подарил мой народ,
Сад любви к нему
В сердце сыновнем цветет,
И душа оттого благодарно поет,
Что родился я в Таджикистане.

Край мой,
Сад ароматный,
Любовь моя!
Пусть
Гор твоих и долин
Не касается грусть.
Как почтительный сын
бесконечно горжусь,
Что родился я — в Таджикистане!

ЛЕНИН

Теплым солнечным зайчиком,
веткой сирени,
Материнскою лаской
с младенческих лет
Навсегда в мое сердце
вошло слово — Ленин.
В нем я черпаю силу
и радость, и свет.
Помню деда рассказы
и матери песни —
Им по ленинской правде
звучать и звучать:
С русским братом
таджик-краснопалочник вместе
Шли под пули,
чтоб землю дехканам отдать.
Стих давно свист клинков, —
годы схожи с орлами.

Дети в школу бегут.
Дед мой спит под бугром.
Ныне сам я к ребятам
иду вечерами

И читаю стихи о вожде дорогом.
Снег цветет, как миндаль,
на горе белоглавой.
Неба просинь сверкает
в глазах родников.
Ленин — в ясных рассветах
над мирной державой,
В росной свежести трав
и в цветеньи садов.
Вижу реки и села
в пустынях безводных,
Тракторов слышу рокот
в просторах степей.
Ленин — это весны
полновесные всходы,
Взор счастливый отцов
и улыбки детей.
Ленин — с нами в труде:
он учителем скромным
Малышам пишет буквы
на школьной доске.
С ним мы вахту несем
у пылающей домны,
С ним плотину возводим
на Вахше-реке.
С ним стоим на трибунах,
шагаем в колоннах,
С ним и в космосе
слышим отчизны шаги.
И звучит всем мирам,
над Луною взнесенный,
Наш земной боевой
революции гимн.
Ленин с нами, он вечен,
как вечно движенье.

Ленин — партии разум,
стяг наших побед.
Слов не знаю роднее
и любимее — Ленин!
В нем я черпаю силу
и радость, и свет.

ЗОДЧИЙ

Я со стариком разговорился
В чайхане случайно как-то раз.
Помню: прямо в душу мне пролился
Блеск его живых и мудрых глаз.

И в беседе нашей, между прочим,
Что за чаем медленно текла,
Я узнал, что был он знатным зодчим,
Мастером искусным ремесла.

И — не потому, что любопытен.
Задал я почтительно вопрос:
— О, отец! Какие же, скажите,
Здания вам строить довелось?

— Жизнь моя
твоей длиннее втрое.
Потому-то, дорогой сынок,
Разве перечислишь все, что строил
На земле я в этот долгий срок.

Пусть об этом помнят новоселы...
Но, пожалуй, погляди туда:
Мы на это здание для школы
Не жалели силы и труда.

А еще построили недавно
Клуб колхозный.
Вышел он — хорош!
Пожилые отдохнут в нем славно,
Славно потанцует молодежь...

Только, что нам вспоминать о давних
Зданиях (они стоят уже!),
Если наша жизнь — в лесах и планах,
Если столько замыслов в душе?!

...Шел домой я в тихую погоду,
Думая в вечерний этот миг,
Что, наверно, символом народа
Моего
был встреченный старик!

ЗАРЯ ОТЧИЗНЫ

Просыпайся!
Наступили сроки,
Отвори окно — и посмотри:
Солнце развернуло на востоке
Алое полотнище зари.

Словно утро,
Для Отчизны милой,
Озарив и горы и поля,
Так свои объятия раскрыло,
Что похорошела в них земля.

Пусть же
Целомудренно и мудро
В небе городов и деревень
Дверью станет солнечное утро

В завтрашний
Прекрасный, долгий день!

Пусть под небосводом —
Самым светлым
Для прекрасной родины моей —
Все надежды постучат с рассветом
В окна незнакомых и друзей.
Погляди:
В багрец заря одела
Перспективу зданий и округ,
Росписи, дворцы —
Ведь это — дело
Наших сильных и умелых рук.

Как наш город сказочно чудесен,
Что — еще светлей весенний свет
От цветов
А может быть — от песен,
Радостней которых в мире нет!

ОДА ХЛОПКОРОБУ

Брат хлопкороб!
Прими хвалу мою:
Пою тебя,
Твой славный труд пою, —
Есть много звезд над нашими горами,
Ты — светишь ярче всех
В родном краю.

Хафизы не играли так — давно,
Так не лилась мелодия Барно,
Как нынче,

Все тебе —
Тухфа — подарок,
Душистый плов, прозрачное вино.

Ты обещал —
И сделал вдвое, брат.
Сегодня туй заслуженный: рахмат!
Пусть встретится на этом дастархане
Все, чем родной Таджикистан богат!

Сегодня можно вспомнить подвиг твой:
Ты пояс туго затянул весной
И — помнишь? —
так выращивал хлопчатник,
Как не растит дитя отец родной!

Растил,
Оберегая от беды:
Он пить хотел —
Ты не жалел воды;
Здесь каждый кустик
от рожденья помнит
Твою заботу и твои труды.

Ты не пережидал полдневный зной,
Ты столько недоспал порой ночной!
Бывало —
дома забывал лепешку,
И только песню в поле брал с собой.

И вы своих детей взрастили — ты,
Союз таджикской почвы и воды:
Принарядились
в солнечные серьги
И закачались в полный рост кусты.

И вот
уже пора для сбора их —
Всех этих самородков золотых:
Машины вышли,
Зазвенели песни
И смех твоих помощниц молодых.

Поклон тебе,
дехканин,
до земли!
Спасибо ото всей родной земли
За подвиг твой,
Которому стихии
Хотели помешать — да не смогли!

Ты обещал —
И сделал вдвое больше, брат.
Сегодня туй заслуженный: рахмат!
Пусть встретится на этом дастархане
Все, чем родной Таджикистан богат!

РОЗА ИЗ САДА ИСКУССТВА

Народной артистке СССР
Тухфе Фазыловой.

Сегодня я самой прекрасной из роз,
Цветущих в искусстве, подарок принес,
Подарок для той, что — Подарок* сама
Для глаза, для слуха, для сердца, ума!
Я равного вам подарить не смогу.
Примите же сердца любовь и строку —

---

* Т у х ф а — по-таджикски подарок.

И пусть вас приветствует
каждый мой стих:
Ведь вы же повинны в рождении их.
Стихи мои — эхо
И отзвук — слова
И песен, и вашего мастерства!
Как розы искусства при вас расцвели,
Так лучшие чувства для вас расцвели:
Любовь и надежда,
и верность — со мной,
Со всеми, плененными вашей игрой.
Ведь тот,
кто услышит ваш голос хоть раз,
Уже никогда не забудет про вас,
Ему будет легче и праздничней жить,
Мелодии ваши он станет ловить,
Он будет гордиться,
как я, как любой,
В чье сердце Тухфа заронила любовь...
Гляжу я на вас — и не верится, нет,
Что вам пятьдесят исполняется лет:
Прекрасно лицо ваше,
словно тюльпан,
Стройней кипариса девический стан..
Останьтесь на долгие годы такой,
Да будут здоровье у вас и покой,
И голосом чудным своим
без конца
Чаруйте и радуйте наши сердца!..
Подарок для той, что — Подарок сама
Для глаза, для слуха,
для сердца, ума,
Сегодня принес я как преданный друг...
Примите же песню,
что дарит Фаррух!

ВАЛЯ-ВАЛЕНТИНА

Это чудо земное —
Дела человеческих рук!
Мчится девушка-Чайка
На крыльях могучих наук.

Огибает планету,
Торопит к земле аппарат...
Наши милые дети
Сквозь чистые звезды летят.

И земля, как парнишка,
Стоит, заломив козырек, —
Словно голубю свищет, —
Все ищет летящий «Восток».

Океаны плывут,
И туманы, поля.
Всюду люди живут,
Всюду ждут, прославляют тебя.

И гордятся, и хвалят
И все говорят, как один.
Говорят они: — Валя!
Ты — лучшая из Валентин!

Говорят они: — Валя,
Прославилась ты на века —
Как крепка на штурвале
Твоя золотая рука!

И в ответ им рассветы
Вовсю золотились, тихи...
И поэты планеты
О Чайке сложили стихи...

Прибежали ромашки лугов,
Васильки прибежали, —
И красивое имя ее
Из цветов
На земле написали.

Слушай, девушка-Чайка:
Тюльпаны поют!..
Виноградные гроздья!..
Это — наши сердца космонавта зовут,
Горы ждут тебя в гости!

СЫН НАРОДА

Посвящается Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской премии Мирзо Турсун-заде.

Живет на земле таджикской
Поэт с дущою ребенка и великой судьбой.
Он удивительно скромен
И поэтому от народа не отделен стеной.
Его горделива осанка, взор откровенен и ясен,
И за дела и песни любим он всею страной.
Людям родной и близкий,
Юноше дорог и старцу, увенчанному сединой.

Это наш Турсун-заде почтенный
Соловей Республики бессменный!

Владеет пером блестяще,
Поэзию дарит народу, прекрасней которой нет.
Глубокая мысль рождает
В душах людей благородных неизгладимый след.

Щедро выносит чувства из тайников сокровенных,
Россыпь стихов жемчужных — вечной поэзии свет!
На языке народном, искреннем, настоящем
О советском народе песни слагает Поэт.

Это наш Турсун-заде почтенный
Соловей Республики бессменный!

Стихи его знают люди.
Он народный писатель и для народа творит.
Сердце живет надеждой,
Каждой весной влюбленный — его стихом говорит.

Вера в народное Счастье новые строки рождает
И окрыленное сердце людям стихи дарит.
Родину светлую любит,
Счастлив, когда над землею песня его звучит.

Это наш Турсун-заде почтенный
Соловей Республики бессменный!

Он — Коммунист, академик.
Жизнью, словом, дыханьем он — Коммунист.
Каждою каплей крови,
Помыслом и мечтаньем он — Коммунист.

В смелых и гордых дерзаньях он — Коммунист.
Гордится Фаррух вместе с теми,
Кто внемлет стиха сверканье — он — Коммунис

Это наш Турсун-заде почтенный
Соловей Республики бессменный!

ЛЮБОВЬ ЖИЗНИ

(Из цикла стихов)

УЛЫБКА СЧАСТЬЯ

Любимая, помнишь, звенела весна,
Сады и поля зеленели-цвели.
И солнца лучи, пробудившись от сна,
С собой беззаботную радость несли.

В тот день я отправился в гости к тебе.
Навстречу калитка открылась слегка
И я потянулся навстречу судьбе.
Я счастлив был, радость была высока.

В улыбке твоей счастье было мое,
Твой нежный румянец
мне солнцем светил.
Увидел я будущее — вдвоем,
Мне пламень надежды весь мир озарил.

Любимая, помнишь, твой нежный прием,
Уставленный блюдами дастархан,
Слова твои робкие, милый твой дом,
И взгляд твоих глаз, что навеки мне дан.

Давно это было, далекая даль.
Стихи я читал вам с братишкой твоим,
Для нас он раскалывал сладкий миндаль.
Мне сердце сказало — тобой я любим.

Стихи выражали волненье души.
В них каждое слово мечтой рождено.
Как были мечты мои хороши!
Но словами всех чувств передать не дано.

Украдкою я наблюдал за тобой.
Мой голос уверенность приобретал.
Из сердца спешили стихи чередой,
Румянец твой им теплоту придавал.

Я поздно ушел, очарован тобой.
Ты, нежно взглянув, проводила меня.
Тобою с тех пор я живу, ты со мной!
Без строк о тебе не бывает ни дня!

Я НЕВЕСТУ НАШЕЛ

Мне говорили бабушка и мать,
Желая, чтоб я к их словам приник,
Что если жизнь возлюбленных связать
Раскроется, как сад, сердец цветник.

С надеждой на меня подняв глаза,
Мне повторяла мама каждый день:
— Сынок, суха судьба моей лозы,
И старость на меня бросает тень.

Слабеют руки, тяжек каждый шаг.
Глаза тускнеют, правду эту знай.
Жизнь не стоит на месте, это так.
Ты дело доброе скорее совершай!

Ты, слава богу, милый, повзрослел!
Не сплоховал осанкой и умом.

Я рада, что среди забот и дел
Приносишь счастье ты в наш тихий дом. —

И замолчала. Вытерла глаза.
Но не дождавшись слова моего,
Продолжила, как будто бы слеза
Из сердца выкатилась, из глубин его:

— Мечтаю я, пока еще жива, —
Нарадоваться свадьбою твоей.
Как сбудется желанная мечта,
Пускай прервется нить судьбы моей. —

О, мама, девушек красивых я видал,
Они достойны ласки и любви,
Над ними нежный аромат витал,
Он пробуждал кипение крови... —

Вот видишь! Славных девушек не счесть.
Откройся! Сердце пожалей мое.
Ты подари мне радостную весть! —
Ну что сказать мне на слова ее?

Любимая! Ну что я мог сказать?!
Глаза прикрыл, как будто от огня.
Я не решился имени назвать
Единственной, желанной для меня.

Лишь о тебе тогда я думать стал.
Была ты в памяти, как роза меж цветов.
Твой нежный лик и твой девичий стан
Светильником нести я был готов.

И от смущенья рассмеялся я,
Запрятав радость в глубине души.

— Что ж, мама, если воля такова твоя,
Хоть завтра сватать девушку спеши.

Нашел невесту я среди невест.
Она, единственная, разбудила кровь.
Как птица утренняя, мне примчала весть,
И в сердце обрела навеки кров.

ДОСТОЙНОЙ ВОСХВАЛЕНИЙ СТАЛА НАША СУДЬБА

Наша молодость прошла,
Мы с тобой остепенились,
Но любовь не уплыла,
Радость жизни дарит милость.

Мы для Родины живем,
Строим вместе день грядущий.
Воздвигаем светлый дом
Для детей, вослед идущих.

Верно, что вода в ручьях
По весне бывает мутной.
Молодость славна в делах
Но, порой, бывает трудной.

Мы, родная, не одни
Пятерых детей взрастили.
И счастливейшие дни
Увидать еще мы в силе.

Не грусти, моя любовь,
Наши дети — юность наша.
Пусть кипит, как прежде, кровь.
Ты милее мне и краше.

Чем в далекие года,
Когда встретилась со мною,
Для меня, поверь, всегда
Светишь солнцем и луною.

Прогони печаль со лба,
Мой источник вдохновенья!
Хороша у нас судьба
И достойна восхваленья!

ЗАЧЕМ Я РУКУ ТВОЮ ОТПУСТИЛ

Мне знойный день запомнился навек.
Цвели цветы, журча неслась река.
И ветерка звенящего набег
Нам песни доносил издалека.

Секретарем райкома я в то время был.
Работы было, как всегда, невпроворот.
И комсомольский пыл, энергию свою
Я горячо в любое дело нес.

Родная, ты пришла ко мне с полей,
Привиделась мне розой из садов.
Своей улыбкой, стройностью своей
В меня вдохнув прохладу родников.

Средь множества собравшихся людей
Тебя увидел первою тогда.
И я пленился красотой твоей,
К тебе приникнув сердцем навсегда.

Меж юношей и девушек, в тот день
Билеты получавших, ты одна

Была в жару —
спасительная тень,
Души моей счастливая весна.

Случайность ли, но очередь твоя
Войти ко мне была вначале всех.
Поднялся, радостный,
к тебе навстречу я.
Но замолчал, за дверью слыша смех.

Взглянул в твои огромные глаза,
Забилось сердце трепетно в груди.
И я забыл и смех, и голоса.
Я понял — наше счастье впереди.

Тебе вручили новенький билет.
Твоя рука легла в мою ладонь.
Сказал я: — Поздравляю! — А в ответ
Ты вспыхнула, как будто я — огонь.

Тебя поздравил, счастья пожелал,
Здоровья и расцвета юных сил,
Чтоб саженец плоды скорее дал,
И сад твой ветви буйно распустил.

Ты засмущалась от приветных слов,
Зарделась ты тюльпаном по весне.
И взгляд твой стал
нежнее всех цветов,
И в сердце навсегда проник ко мне.

Но ты ушла, а сердцу никогда
Спокойствия теперь не обрести.
Зачем я руку выпустил тогда?!
Я должен снова милую найти!

ТЫ —ЛЮБИМАЯ МОЯ

Я помню — праздник и весна,
Душа цветением полна.
Стихи с трибуны я читал,
О матери в них вспоминал.
Не знаю, тронул ли сердца
Мой стих, прочтенный до конца,
Но с чьих-то губ так горячо
Слетело: «Прочитай еще!»
Я этих слов как будто ждал,
И все читал, читал, читал:
«Благодарю тебя за свет,
За солнечный живой привет.
Ты красота очей моих,
Мой самый яркий, нежный стих.
Ты — чистота и красота,
Моя любовь, моя мечта.
Прошу тебя, хоть что-нибудь
Скажи. Тогда в обратный путь
Пойду, но буду знать, что мне
Все наяву, а не во сне
Привиделось. Я полонен,
Твоей красою опьянен.
Вот стих мой. Он отныне твой,
Твоею жизнью он живой,
Твоим весельем — весел он,
Твоей обидой удручен.
Возлюбленным зови меня,
Не погаси в душе огня!»

* * *

И после праздника с тобой
Пошли по длинной мостовой.

Мы говорили, шли и шли,
Улыбки и цветы цвели.
Но ты внезапно в круг подруг
Вбежала. И померкли вдруг
Луна и звезды. Я опять
Один, как прежде. Но сказать
Тебе успел: «Любовь моя,
Мелодия стихов — твоя!
Покуда жив, пока дышу,
Тебе стихи любви пишу».

ЖЕНИХ

С древнейших времен возглашают таджики:
«Да будет, как сокол, отважен жених,
Душою открыт, как народ светлоликий,
Умен, словно строки поэтов седых!»

И вот я — жених. Но родного народа
Я буду ль достоин,
став мужем твоим?
В тот свадебный вечер сияла природа,
Шептала листва: «Ты любим, ты любим!»

Нам крикнули гости:
«Да будет вам сладко!»
Ко мне подошла ты, волнуясь, дрожа.
Чтоб ты не упала, за локоть украдкой
Я взял тебя, сердце мое и душа.

Луна за горой побледнела в ущелье
И утренний свет озарил небеса,
Но в нашем дворе продолжалось веселье
И слышались радостные голоса.

О, помнишь ли ты утро первое наше?
Весь мир не явился ли к нам на порог?
Ты мне показалась желанней и краше,
От счастья я вымолвить слова не мог.

Учтиво меня посадила ты рядом,
Коса твоя мягко упала на грудь
Стеснялась со мною ты встретиться взглядом
Да и я не осмелился сразу взглянуть...

Я помню твое молодое цветенье!
Однажды ты выронила пиалу,
И ты наклонилась в счастливом смятенье:
Она не разбилась, круглясь на полу!

Красавица, ты замолкала порою,
Как бы погруженная в думы свои,
И тихо читал я строку за строкою, —
О, как ты любила стихи о любви!

С давнишних времен утверждают таджики:
«Народной душе соприроден жених.
Кто любит, — на подвиг способен великий,
Он — предков побег и опора живых!»

ЮНАЯ ТЫ, ЮНАЯ!

Вновь ты зеркало ставишь упрямо
И глядишься, глядишься в него.
Может, молодость ищешь за рамой?
Что печалишься ты? Отчего?

Иль стыдишься волос поседевших
И морщинок на милых щеках?

Не печалься, ну что же поделать!
Много ль проку, родная, в слезах!

Всякий знает, морщинки — не розы,
Отгорает любой огонек.
Прогони непослушные слезы,
Вспомни юности нежный цветок!

Что, любимая, в зеркале проку!?
Лучше в будущее ты погляди.
Ты поверь моему зароку —
Наше счастье с тобой впереди!

Лучше ты загляни в мою душу.
В ней, как в зеркале истинном ты
Разглядишь и полнее и глубже
Неизменность своей красоты.

Вечерами при лучике лунном
Серебрится игривая прядь.
— Будешь, вечно, любимая, юной! —
Не устану тебе повторять.

ВОЛШЕБНЫЙ КУПОЛ

(Из цикла стихов)

СОЛДАТСКАЯ СЛУЖБА

Я много слышал добрых слов
И много жестких слов
И знал, что сказаны они
Не ради пустяков.

Их мне твердили год подряд
Уставные права.
О многом в жизни говорят
Солдатские слова.

А что же было кроме слов?
А были, брат, дела,
Когда метель вовсю метет
И вся земля бела.

Когда в заре вишневый сад,
И день палит огнем...
— А ну, солдат!
Вставай, солдат! —
Трубач трубит подъем.

Трубит тревогу на заре
Учебный батальон,
Чтоб все спокойно на земле
Свой досыпали сон.

Лопатка, шлем и автомат,
И скатка на груди,
— Давай, солдат!
Вставай, солдат!
Верней, солдат, гляди!

И глядел во все концы,
Глядел во все края.
И видел, как идут жнецы
И жницы со жнивья.

И видел с вышки облака,
И слушал ветра звон.
И понял, чем земля близка
Со всех ее сторон.

И понял, как она тепла,
И как она мала,
Когда вмещается в прицел
Холодного ствола...

ШЕЛКОВЫЙ КУПОЛ

Тот шелковый купол на стропах-канатах
Впервые мы в поле раскрыли когда-то,
На пышной лужайке его разложили
И — что там скрывать! —
по себе затужили.
А наш лейтенант толковал досконально,
Что складывать надо его идеально,
Что строп парашютных особая кладка —
Основа земного живого порядка.
«Неправильно стропы, — внушал он, —
положишь —

И время погубишь, и дело угробишь!..»
А после я долго готовился к старту,
И бегал и прыгал на лётную карту,
И мысленно в точке болот приводнялся,
И с воздухом разных широт породнялся.
И — часом урочным окончив ученье, —
На первый прыжок получил разрешенье.
Безоблачно было на небе и чисто,
Канал среди луга сверкал, как монисто,
Сияли озера, как чаши надежды,
Поля распахнули цветные одежды.
И все это двигалось и приближалось,
Росло, и в глазах моих преображалось.
И в этом стремительно точном движеньи
Я видел и чувствовал земли притяженье,
Я видел людские дороги и тропы —
Как-будто тугие канатные стропы,
Которые крепко и сильно вязали
В одно сочлененье раздельные дали.
Чтоб людям хватило и мира и хлеба
Под шелковым куполом синего неба.

ПЕРВЫЙ ПРЫЖОК

Помню, как заполночь поздно
Я пробудился от сна,
Чтоб убедиться, что звездна
Ночь в переплете окна,
Нет облаков и обычен
Месяца тонкий рожок...
Завтра...
да нет! Уже нынче
Ждет меня первый прыжок!

И засыпая в постели,
Чувствовал — как наяву! —
Легкость какую-то в теле
(Словно — я в небе плыву!),
Но, вперемешку со снами
Помнил, тревогу храня,
Что непустячный экзамен
Ждет на рассвете меня.
...Рано, по свежей погодке —
В чистой росе каблуки —
Вышли мы строем, погодки,
С солнцем наперегонки.
Кланялись встречные елки
Не как в обычные дни...
Я посмотрел втихомолку
В лица друзей.
А они —
Кто нарочито беспечно,
Глубже тревогу тая,
Кто — принахмурясь, —
конечно,
Все волновались, как я!
И становясь на поверку,
Каждый заметил солдат
Луг,
где снижался
и кверху
Снова шел аэростат.
Он — с интервалами строго
Вновь на посадку идет...
Ждать мне осталось не много.
Мой
наступает
черед:
Я поднимаюсь и слышу

Пение ветра в ушах.
Выше.
И выше!
И — выше!
(Только бы не выказать страх!).
Сердце, забившись толчками,
Словно бы — оборвалось:
Слышится под облаками
Четкое слово — «Готовсь!»
Времени даром не тратя
(Ясен армейский язык!),
С места вскочив по команде,
Что я подумал в тот миг? —
«Жизнь хороша!
Но однако
Надо с достоинством жить.
Нужно на голову страха
Мне каблуком наступить.
Высшая доблесть солдата —
Выполнить данный приказ...»
Вспомнил, как мама когда-то
Сына бранила не раз,
Явственно голос услышал:
«Скачешь ты через дувал,
Лазишь, как кошка,
по крышам.
Как бы ноги не сломал...
Что тебе все не сидится?
Вот накажу сорванца!
Ты же сыночек, — зеница
Матери глаз и отца...»
«Чуешь ли, мама, далеко
От белорусских равнин:
Нынче повыше, чем сокол,
В небо забрался твой сын?!

Эту солдатскую долю
Сыну придется простить:
Он побеpечься — не волен,
Должен он соколом быть!..»
Страх улетучился сразу,
Словно — по взмаху руки.
Сразу сержанта приказы
Стали ясны и легки.
Как в полыхание боя,
Точно в указанный срок
Бросился вниз головою
Я в этот первый прыжок!
И захлебнувшийся (помню)
Ветром,
почти не дыша,
В пятках,
Действительно, —
понял —
У человека
Душа!
Даже из пяток как будто
Дымом выходит...
Но тут —
В миг этот, в эту минуту
Купол раскрыл парашют:
Будто волшебная сила
В воздухе мне вручена...
Как ты меня оглушила
В первый момент,
тишина!
Я ухватился за стропы,
Ветер уже не свистел...
Как я был счастлив, —
еще бы! —
Кажется, даже запел.

Легким,
Могучим,
Свободным
Словно бы сделался вдруг!
Как далеко и подробно
Видел я все, что вокруг,
Как,
красотой опьяненный
Этих лесов и полей,
Был благодарен зеленой
Матери нашей — Земле!..
И, приземлившись,
с любовью,
Прежде чем на ноги встал,
Землю свою по-сыновьи
Ласково поцеловал...
Помню, что гордостью явной
Взводного полнился взгляд:
— Будешь десантником!
Славно
Прыгнул.
Спасибо, солдат.

КРЫЛАТЫЙ ВЗВОД

В прозрачности воздуха —
шквал снеговой
Да ветра хватающий за душу вой.
Порядок в засаде — бесед не ведем,
Спокойно приказа,
как водится, ждем.
Но вот уже снег не струится в глаза,
Затих ураган и чисты небеса.
Кидаю ракету, — получен приказ!
И в поле пилоты приветствуют нас.

Пусть каждый, кто в небо впервые шагнул,
Запомнит моторов неистовый гул,
Свое удаленье от тверди земной,
Движенье, не страшное птице стальной!
По полю шагавший мгновенье назад, —
Летишь ты над облаком, брат мой, солдат!
Закалку и выправку вижу. А все ж —
Вдруг схватит за сердце тревожная дрожь.
Бывает с иными... Да случай не тот:
Не хуже хирурга я знаю свой взвод!
Нет лучше моих закаленных ребят, —
У каждого высший спортивный разряд!
Но вот наш пилот нам сигнал подает.
Два люка открыл я — готовьтесь в полет!
Два люка открыл я: — Внимание! Старт!
По правилам в небо отправил ребят.
Но очередь, вижу, настала моя.
И вот уже, вихрем заверченный, я
Лечу кувырком, ослеплен, оглушен, —
Однако сознания все ж не лишен.
Толчок за спиной — и кончается гул:
Свой зонт парашют надо мной распахнул!
Пытаюсь увидеть в полете ребят.
Увидел: внизу, подо мною, парят!
Ремень подтянул я, как тренер учил,
Быстрее к земле дорогой заскользил.
Все ближе земля голубая видна,
В объятия нас принимает она!
Спешит нам навстречу,
как добрая мать, —
Сынов ей не терпится милых обнять!
Жемчужные реки, пригорки, поля!
Жемчужина сердца, родная земля!
Со снегом,
с песчаным сухим ураганом,

С лесами, с цветами —
ты вся дорога нам!
Со всем, что родила,
со всем, чем владеешь,
Со всем,
что для счастья людей не жалеешь.
Мы — дети твои. Ты — тревожная мать.
Ты нас научила мечтать и дерзать.
Мы любим просторы твои золотые, —
Солдаты твои и твои часовые!
И если придется на бой выходить, —
Сумеем, Отчизна, тебя защитить!
Не выдержать недругу страшного боя
За землю, за небо твое голубое!

ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА

Неба прозрачного купол — высок,
Ветер внизу в можжевельнике смолк.
Только и слышно:
слились в один звук
Рокот мотора да сердца стук.
Вот наступает назначенный срок:
Миг — и готовность!
Другой — и бросок!
Гул самолета далек и могуч.
Под ноги стелется
лестница туч...
Это — не первый прыжок боевой.
Что же сегодня случилось со мной?
Силюсь причину найти —
Не найду
(Словно бы сплю я...
Будто — в бреду...).

Разом притихла природа вокруг,
Точно от роста уставшая вдруг:
Свял на лугу, не раскрывшись, цветок,
Щебет пичуг, оборвавшись, умолк,
В кроне березы — такая тоска,
Словно века уже — ни ветерка...
Холод меня пробирает всего...
Но — отчего это все?
— Отчего?
Книзу летит,
увлекаемый мной,
Купол —
бесформенный, а не тугой,
Стропы натянутые
не поют?..

Понял я!
Вспомнил ошибку свою:
Видимо, я при укладке спешил,
Видно, застежку не так закрепил...
Стало быть,
плохи,
десантник,
дела.

Зрение мгла мне заволокла.
В этой свистящей и гибельной мгле
Кану я камнем,
Летящим к земле.
Если б ошибку исправить суметь!
Поздно:
злорадно осклабилась смерть.
Скройся ты с глаз моих, злая карга!
Мне — и секунда сейчас дорога:
Вспомнить бы мне напоследок о ней —
Девушке самой любимой моей,
Маме бы нежное слово сказать...

Как наяву —
Вдруг увиделась мать!
Как наяву —
И добра, и нежна,
Сыну объятья раскрыла она
(Словно на гибельном этом пути
Слабые руки могут спасти
Камнем летящего к тверди земной!..),
Слышу я голос:
«Ах, первенец мой, —
Свет моей жизни,
Кровинка зари!
Страх и смятение перебори,
Я же с тобой,
моя гордость,
везде —

В небе,
На суше
И на воде.
В лютый мороз и сжигающий зной
Матери сердце — повсюду с тобой,
В тучах,
В пустыне,
И в лесу
Я охраню тебя, сын, и спасу.
Что материнской любви сильней?
Смерти вовеки не справиться с ней!..»
...Как от касания ласковых рук,
Мысли мои стали ясными вдруг,
Землю увидел я —
о, как близка! —
Но на груди уже ищет рука:
Вот оно, вот — запасное кольцо...
Сильный толчок!
И не буря в лицо —

Ласковый ветер,
Которым храним
Под парашютом
лечу запасным!

Ожил кустарник.
Качнулись леса.
Подали птахи свои голоса.
В кроне березы шумит ветерок.
И на лугу —
распустился цветок.
И отразившись
в жемчужинах рос,
Ласково
на небе
солнце зажглось!

— Ветер!
Ты волосы спутал мои!
Здравствуйте,
Бабочки и муравьи!.. —
...Встану,
чуть-чуть полежав на лугу,
(Знаю одно лишь доподлинно я:
Будет последней
ошибка моя!)

* * *

Снова шагаю под птичий трезвон,
Снова я ласковой
мамой рожден,
Песню свою напеваю я вслух...
В небе — я тоже счастливец,
— Фаррух!

БЕЛОРУССКОЙ ДЕВУШКЕ

I

Ты далека, любовь минувших дней,
Но ты всегда живешь в душе моей.

Мне радостно, что на губах поет
Святое имя светлое твое!

Мне кажется: на миг глаза прикрой —
И вот он, рядом, чистый облик твой,

Твоих волос пшеничная волна,
Жемчужная улыбка — вот она,

Походка, уносящая покой...
О, будь благословен твой край родной,

Дарящий миру — можно ль быть щедрей?
Таких, как ты, прекрасных дочерей.

Не знай он слова горького «беда»!..
И пусть не омрачатся никогда

Твои глаза, улыбка и черты!

II

...Я помню встречу первую.
А ты?
Какой был зной, какая сушь была.
И — у колодца — нас судьба свела.

Я не искал предлога, видит бог, —
Я просто попросил воды глоток,

Простой воды с колодезного дна...
Почем я знал, что так она хмельна

И что таит в себе замшелый сруб
Не воду, нет — вино пьянящих губ!

Да что же это впрямь стряслось со мной?
Ты улыбнулась мне — я стал хмельной,

Всего два слова,
мимолетный взгляд —
И благодарно покорён солдат!

О, как за гимнастерку стыдно мне —
Линялую, прилипшую к спине,

За эту пыль дорог, за этот пот...
Но ты прости:
ведь позади — поход,

Тяжелый марш,
палящая жара...
— Вы утолили жажду?
Мне пора.

Увидимся еще когда-нибудь,
Я здесь живу...
Пусть легким будет путь!

И — до свиданья... —
В яблоневый сад
Ушла она. Её улыбка, взгляд.

И не «прощай»,
а «до свиданья»... Да!
Ах, наш колодец, чистая вода,

Мне давшие на много лет
Любовь, которой чище в мире нет!

III

...А помнишь ли наш клуб?
Прекрасный дом,
В тот вечер суматошно было в нем:

Веселый праздник, полный суеты,
Мы ждали шефов.
Вдруг я вижу — ты,
Приехавшая как почетный шеф...
Какая радость вспыхнула в душе!
О, как окрепла дружеская связь —
Ты помнишь ли?
Без устали смеясь,

Гуляли мы, теряя счет часам,
По шелестящим скверам и садам,
По площади, вдоль новостроек шли —
И все наговориться не могли!

Я был тогда прилежный ученик,
Старавшийся постигнуть твой язык,

Взамен уча тебя — в руке рука —
Премудростям родного языка.

И вот, не прибегая к словарю,
Певуче мне сказала ты:
«Люблю!»

И я постиг начало всех начал:
«Люблю!»
по-белорусски отвечал...

IV

Я отслужил.
Прости, но я — прощусь
С тобой, уже родная Беларусь:

К большой воде стремиться — роднику,
Мне надо в город, что подобен цветнику.

Я вновь с тобой,
любимый Душанбе!
Но я вернулся не один к тебе, —

Ты знаешь:
в сердце, здесь, в груди моей
Любовь гнездо свила, как соловей, —

Чиста, как соловей, и так поёт...
Ах, девушка! Спасибо за нее.

А тот, кого избрала ты навек, —
Какой же он счастливый человек!

И вы уже, должно быть, не вдвоем...
И у меня — детишек полон дом.

Отличники, один за всех, а все за одного!
Бывает, правда...
Ну, не без того.

Какой источник радости — семья!
Здоровы мои милые друзья,

Благополучны, счастливы к тому ж...
А как там ты?
И твой достойный муж

(Мы, правда, незнакомы:
ну и что ж,
Избранник твой, наверняка, хорош!)

О, давний друг мой!
Это — выше слов:
Да будет счастьем полон до краев
Твой светлый дом.
Пусть счастье и покой
С твоей не разлучаются душой!..

...А мне мечтается — в конце концов
Увидеть наяву твое лицо.

Возможно ли, чтоб мне не довелось
Увидеть водопад твоих волос,

Не написать — сказать тебе «привет»...
Да-да, я знаю:
времени все нет.

Легла меж нами чуть не треть земли,
Но — трудно жить от юности вдали.

Но — сквозь преграды, через недосуг.
— До скорой встречи,
белорусский друг.

ВОСПОМИНАНИЯ О РОДНОМ КРАЕ

Милый мой Таджикистан,
Гулистан, страна родная!..
Много есть на свете стран —
О тебе лишь вспоминаю.
Яркий свет в моей судьбе
День твой жаркий и веселый...

Говорим мы о тебе
Днем и вечером с Миколой.
Не видал тебя, но так
Знает он из разговоров
Каждый город и кишлак,
Твои реки и озера,
Словно он уже — земляк!

Говорю я о тебе —
Замолчать не хватит силы! —
Мой прекрасный Душанбе,
Город праздничный и милый.
И — бессилен мой язык
Красоту твою восславить,
И любой земляк-таджик
Мог бы многое добавить.

Костакоз, Канибадам
И Ходжент — как сад зеленый,
Каждая аллея там —
Рай для юных и влюбленных.

И венчают этот мир,
Преисполненный надежды,
Горы вечные — Памир
В тюбетейках белоснежных.

Покоряет человек
Бурную стихию эту,
Чтоб пылал огнем Нурек,
Как положено рассвету...

Говорим с Миколой.
Он
Так словам внимает, точно,
Не видав тебя, влюблен, в
Мой Таджикистан, заочно
В твои фрукты и поля,
В реки шумные, озера,
В твои сказочные горы,
Моя милая земля!

Обо мне — что ж говорить?
Что мне в целом свете ближе?
Стоит лишь глаза прикрыть —
И уже так ясно вижу,
Вижу красоту твою!
И, как будто в сне волшебном,
Полной грудью жадно пью
Воздух чистый и целебный.

А в минуты тишины
Свист родного ветра близок,
И так явственно слышны
Песни тысячи хафизов,
И — ликуют соловьи
Над кипящими садами,

Девушки — перед глазами
Луноликие твои...

Ты — звезда в моей судьбе!
Где б я ни был,
Где ни буду,
Я тебя ношу в себе...
Значит, вместе мы повсюду!
Скоро я вернусь домой,
На тебя с любовью гляну,
Гулистан мой,
Край родной,
Жарким солнцем осиянный!

МИНУТА В ВОЗДУХЕ

Удивляюсь частенько и сам:
Я привыкнуть успел к небесам,

Словно купол небес голубой
Стал мне крышей над головой!

Дорога мне земля. Но она
Мне как будто бы стала тесна.

Здесь любовь меня ждет и живет...
Но все тянет и тянет в полет, —

Видно сердцу для счастья нужны
Небеса моей светлой страны.

И сбывается снова мечта,
И опять — подо мной высота,

И опять во всю ширь мне видна
Хорошеющая страна,

Та страна, что как сыну дала
Мне могучие эти крыла,

Безотказный новейший мотор,
Эту радость и этот простор...

Я — у иллюминатора.
Я
Все гляжу на просторы жнивья,

На богатство осенних садов
И на мощь молодых городов.

Вот и Витебск у нас на пути.
Говорю я:
— Расти и цвети!

Ты-то помнишь, как были черны
Отгремевшие годы войны...

Мы с тобой повстречались потом.
Ты был весь — как обугленный дом,

Ни жилища и — ни дерева...
Враг старался с земного лица

Даже память навеки стереть
О тебе.
Щедро сеяли смерть

Самолеты с крестом на крыле,
Гибли дети в пожаре, во мгле,

Гибли женщины и старики
(Были меткими звери-стрелки!)...

Только — где она, эта орда?
Нет ни памяти, ни следа.

Ты ж — прекрасен и свеж, как цветок,
Значит: ты победил, превозмог

И, поднявшись, воскрес над Двиной
Удивительно молодой.

Милый город! Ты светел, хорош
И кипуч, как твоя молодежь,

Деловит, как заводы твои...
Пусть не молкнут в садах соловьи,

И влюбленные в звоне рулад
О любви до утра говорят!

Я — твой сын и солдат,
Беларусь,
Я солдатскою клятвой клянусь,

Что чужого стервятника тень
Не затмит твой ликующий день!

ДРУЗЬЯМ-ДЕСАНТНИКАМ

Давно я автомат сдал старшине
И прилетел давно в родные горы.
Но и сейчас в вечерней тишине
Мне Беларуси видятся просторы.

Аэродром за Западной Двиной,
Военный городок
в лесу сосновом,
Как будто по тревоге боевой,
Я в небеса взмываю снова.

В кабине с полной выкладкой сижу
И своего волненья не скрываю.
К распахнутому люку подхожу
И падаю,
на стропах повисаю.

И подо мной бегут
в рассветной мгле
Леса, болота, взгорки да равнины,
Где мой отец по выжженной земле
К победе шел
от Волги до Берлина.

Пусть в настоящем не был я бою.
Мне сетовать на это не пристало.
Я заменил родителя в строю,
Когда уже война отгрохотала.

А вы, безусые, сменили нас, —
И молодость вскипает родниками.
И не беда,
что мы ушли в запас,
Сердцами мы в любом полете с вами.

Оттачивайте доблесть,
мастерство —
Нелегкое солдатское искусство...
У вас в полку сегодня торжество,
Пришли на праздник шефы белорусы.

Вас обжигает ветер ледяной
И снегом все дороги заметает.
А здесь запахло раннею весной,
Миндаль на горных склонах
зацветает...

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ С ЗАРИ

ПОЭМА

Поэму «Жизнь начинается с зари» посвящаю Герою Социалистического Труда, Депутату Верховного Совета Таджикской ССР, Председателю колхоза «Москва» Канибадамского района Энаджон Байматовой.

Автор

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Вы когда-нибудь видели
сад молодой на рассвете,
где весенние ветви
кивают бегущей реке?
Где цветы на деревьях
просыпаются утром, как дети,
и веселый румянец
горит на упругой щеке.

Я мой город родной
уподоблю весеннему саду,
чье начало уходит корнями
в глубокую даль.
Город — взгляду услада,
город — сердцу отрада,
город, в имени чьем
распускается горный миндаль.

Здравствуй, Канибадам —
революции сад рукотворный,

солнце нашей эпохи
тебя озарило навек.
Так цвети, новый сад,
на великом советском просторе,
пусть тебе не грозит
непогоды суровый набег.
Пусть тебя обойдет
суховея песчаная поступь,
пусть минует гроза
и очистится небо от туч,
пусть свободно летят
зеленые длинные косы
и согреет плоды
яркий солнечный луч.

Здравствуй, Канибадам!
Здравствуй город, взрастивший Героев!
Здесь История тесно
роднится с сегодняшним днем,
и поэтому слава твоя
приумножена втрое —
стали дети твои
Революции светлым огнем!

О подвиге песни слагают
и в книгах — отдельной главой,
о том, как боец
Негмат Карабаев
погиб во Второй Мировой.

Но память о нем — живая,
и дети, играя в войну,
совсем как боец
Негмат Карабаев
свою защищают страну.

А вспомним второго героя
И гордо добавим: «Он — наш».
Живыми вперед
выступают из строя —
Негмат и Шарипов Эргаш.

Два имени этих — на вечной поверке!
Сквозь взрывы снарядов и вой
два славных солдата
шагнули в бессмертье —
из боя Второй Мировой!

Героев войны не забудут в народе,
о них будут помнить всегда, —
с такой же отвагою в битве на поле
сражались Герои Труда.

Им хлопок достался
нелегкой ценой,
им хлопок на головы
лег сединой.
Вы спросите, как их зовут —
кто такие? —
Бахиров Шакир
и, конечно, Кадыров.
Наизусть Канибадам
знает имена простые:
что Кадыров Аширмат —
это руки золотые,
Камиля Ярматова
имя известно
уже за пределами
республики нашей,
и фильмы его —
глубоки, интересны,

герои — из жизни
и не приукрашены.
Мы скажем спасибо
за правду искусства,
в картинах твоих —
земляки оживают:
в картинах задумчивых,
мудрых и грустных,
в которых есть искра
таланта живая.

О дивный голос!
Сладостное пенье!
Смолкают птицы,
услыхав ее —
ничто земное
не идет в сравненье,
когда Туфа
Фазылова поет!
И этот голос,
что рожден природой,
дарил нам радость,
счастье воспевал, —
и не случайно
именем народной
её народ
заслуженно назвал.

Долгим поиск был упорный,
были трудными пути:
обошел поля и горы
академик Бароти.
По высоким перевалам,
мимо быстроходных рек —
за сокровищем немалым

шел отважный человек.
Есть и жемчуг, есть и злато,
самоцветные огни —
изучил Рауф Баратов
недра тайные земли.

А у Шарифа в ведении —
литературоведение.
Благодаря ему,
в республике наука эта
достигла славы и расцвета:
Хусейн-заде дает ответы
на сотни «что?» и «почему?».

Шариф не делает секрета
и нам из многих книг его
понятней станет стиль поэта
и непростое ремесло
сплетенья гласных и согласных,
чем славен так таджикский слог.
Знаток аруза он прекрасный,
и очень тонкий педагог.

Умная, упорная, упрямая —
всех весельем заражает вмиг:
радуются молодые мамы,
что такой вот доктор есть у них.

Женщина-профессор возглавляет
много лет научный институт,
для себя нередко забывает
выкроить хоть несколько минут.

Ежедневно Сабахон Хакимова
в операционной у стола,

сотни женщин скажут ей спасибо,
сколько жизней Сабахон спасла!

Но неполным рассказ мой будет,
потому что я не назвал
человека,
который людям
свое доброе сердце отдал.

Твое имя у нас повсеместно —
уважаемо,
авторитетно,
как Герой Труда ты известна,
член Центрального Комитета.

На твоих полях урожаи
созревают быстрей других.
Молодежь тебе подражает
и в делах,
и в речах твоих.

Как работа твоя умела!
Но когда была молода,
то своим рассуждением зрелым
удивляла и в те года.

Твое имя в столице знают,
твоим хлопком страна гордится —
высоко ты проносишь знамя
настоящего коммуниста.

А теперь наступило время
это имя открыть для вас:
Энаджон посвящаю поэму.
О труде и о жизни рассказ.

Перед взором моим
Расстилался кишлак Пулотон,
Как весенний цветник,
Распустившийся свежий бутон.
Много сел повидал я
В поездках по нашей стране,
Много разных преданий
Поведали улицы мне.
Мне знаком их язык,
Но скажу откровенно, друзья,
Ни одно из селений
Сравнить с Пулотоном нельзя:
Здесь весна, как хозяйка,
Пленяет своею красой,
Пулотон по утрам
Умывая прохладной росой,
И лучисто глаза
Распахнет Пулотон поутру,
И зеленые косы деревьев
Летят на ветру,
И движение ветра
Доносит легендой до нас —
О весне Пулотона
певучий, как песня, рассказ.

Говорливо арыки
Текут по моей махалле,
И рождается жизнь
На богатой и щедрой земле,
И рождается хлопок
На шири бескрайних полей,
И наградою — слава
Для родины родин моей.

Здесь рождается честь
И великая гордость народа,
Что венчает собой
Замечательный
труд хлопкороба!

Здесь на сотни гектаров
Раскинули ветви сады,
Здесь велик урожай
И напитаны солнцем плоды,
Цветники у домов —
Словно яркие краски мечты,
Да и сами дома
Здесь похожи на чудо-цветы.
И чему удивляться,
Когда в Пулотоне живет
Удивительно добрый
и сердечный народ.
Здесь привыкли гордиться
Тем,
что каждому с детства знакомо:
Здесь привыкли трудиться
И в школе, и в поле, и дома.

Если ты, мой читатель,
Моим не поверил словам, —
Приезжай в Сари-Куй*
И ты сможешь увериться сам,
Что подобно поэме,
Рожденной столетья назад —
Сари Куй превратился сегодня
В пленительный сад!

---

* Сари Куй — махалла в кишлаке Пулотон.

* * *

Вот уже много лет,
как покинул я эти края,
но по-прежнему там же
прописана память моя.
Все дела да заботы,
но однажды в вечерней тиши
просыпается голос
Повзрослевшей души
И за голосом вслед
я иду по знакомым местам,
осторожно ступаю
по старым забытым мостам,
И от терпкого запаха Родины
ноет в груди,
и внезапно поймешь,
много дел у тебя впереди.
И поймаешь на мысли себя,
Что хотя Душанбе —
стал привычным и близким,
понятным по духу тебе,
что ты здесь написал
те стихи, что тебе удались,
и как дети твои
по другим городам разошлись,
Здесь друзей приобрел,
Мастерство накопил,
что ты годы свои,
как богатство свое,
Душанбе посвятил, —
все равно в моем сердце
влюбленностью первой жива,
та земля, на которой
я первые молвил слова,

* * *

Горели лица и сердца,
шел жаркий разговор, —
и даже окна у крыльца
пылали, как костер.

Огонь работы озарил
простые лица тех,
кто честным подвигом творил
удачу и успех.

Шел разговор о рубеже,
который впереди,
о том, что сделано уже,
что сделать предстоит.

«Чем выше план — тем выше честь» —
таков у нас ответ,
у нас всегда в запасе есть
резервы для побед.

...Так, завершая разговор
и подводя итог,
из зала вышли в коридор
герои этих строк.

Вот председатель — Энахон,
парторг и агроном:
их лица помню с детских пор,
я не забыл о том,
как мы, мальчишками тогда,
мечтали подрасти,
мечтали строить города,
прокладывать пути.

И каждый для своей судьбы
себе избрал маршрут:
писать стихи, растить сады —
любой полезен труд!

И я приветствовать друзей
сердечным словом рад,
я пожелал им добрых дней,
заслуженных наград.

За тяжкий повседневный труд,
за путь нелегкий их,
за теплоту надежных рук,
хранящих суть земли.

— Я, по обычаю, свой путь
держу в мои края,
чтоб погостить и отдохнуть,
проведать вас, друзья.

И председатель Энахон
промолвила тотчас:
— Спасибо вам, наш друг Бурхон,
что не забыли нас.

Когда-то, в прежние года,
мы были так дружны!..
Объединяла нас тогда
работа для страны.

В бригаде были мы одной:
я — бригадир. Бурхон...
Работой занят непростой,
был табельщиком он.

А труд его нелегким был...
Такое не забыть,
но он минуту находил,
чтоб шуткой подбодрить.

Да... это было как вчера.
Но нынче — о другом...
Когда-нибудь, придет пора,
я расскажу о том...

За председателем вослед
я с чистою душой,
вошел в уютный кабинет,
просторный и большой.

...Текла беседа, как волной
сменяется волна,
и память звонкою струной
тревожила меня.

И образ прошлого возник
и вспомнился опять...
И время замерло на миг —
и повернуло вспять...

* * *

Мы вписали страницу
в историю нашей страны,
нам пришлось потрудиться
в те нелегкие годы войны.

Мы вставали с рассветом,
нас рассвет окрылял на дела, —

как не вспомнить об этом,
вся страна так жила!

Были трудными версты,
но работа кипела в руках,
лишь дождливые весны
застывали слезой на щеках.

Были зимы суровы,
холодны похоронок слова,
и работали вдовы
за себя и погибших солдат.

Это память народа,
это руки седеющих мам —
воздвигали работой
монументы умершим сынам.

Наше горе и беды
мы делили одною семьей:
для единой Победы
мы единство крепили свое!

...Долго мы говорили
и беседа спокойно текла,
ночь давно опустилась
на притихший и сонный кишлак.

Говорим о понятном,
о знакомом и памятном нам,
от беседы о прошлом
переходим к сегодняшним дням.

Председатель серьезно
говорит о колхозных делах,

а мне видятся звезды
урожая в богатых садах.

А мне слышатся песни
на просторах хлопковых полей,
и вдвойне интересней
мне становятся судьбы людей.

Энахон говорит
и отчетливо видится мне,
как сегодняшний труд
продолжается в завтрашнем дне.

И колхозников лица
чередой предо мною встают:
стало легче трудиться,
изменился их труд.

Славлю доброе имя
землепашца-творца,
он руками своими
вдохновляет сердца.

Управлять научились
и землей и водой,
научились сражаться
со стихийной бедой.

Энахон улыбнулась
и веселье мелькнуло в глазах:
как легко говорить
об успешных колхозных делах.

Да и я улыбаюсь
и душа моя счастьем полна,

но, взглянув на меня,
огорченно спросила она:

«Я кажусь вам смешной?
Как ребенок сижу и хвалюсь?
Что поделать с собой,
если я земляками горжусь?

Или, может быть, старой
показалась одежда моя?
И, наверно, неряхой
обозвали вы в мыслях меня?

Вижу я удивленье:
вы хотите мне что-то сказать?
Прямо с поля в правленье
мне пришлось в этот вечер бежать.

Прямо с поля, где люди
урожай собирают стране,
и по-прежнему я
не могла устоять в стороне...»

Отвлекусь на мгновенье
от торжественных фраз, —
мне за стилем поэмы
не угнаться сейчас.

И умелой руке
я зазря доверял:
опишу разговор
так, как он протекал.

«Значит так,
проснулась утром:

где-то в пять
или в четыре,
ты, наверно,
в это время
сладко спишь
в своей квартире?
В огороде
прополола,
в огороде полила.
Все. Порядок в доме, вроде.
Здесь закончила дела.

Я — в машину и в бригаду.
Там — пятнадцать новичков.
Я, конечно, очень рада,
что пополнилась бригада,
но порядок есть порядок,
а «порядок» там таков:
еле движутся по полю;
«Мы, мол, встали очень рано...»
— Ну-ка, — говорю, — посмотрим,
что умеют ветераны.
И — быстрей-быстрей по грядкам.
и — бегом-бегом по полю,
вижу — шепчутся. Порядок!
Их задело за живое.
К садоводам заезжала,
похвалила, поругала,
обещала удобренье.
А потом — опять в правленье.
Прочитала, подписала,
позвонила, приказала,
сделала, что надо —
и опять в бригаду!
Вот такие, брат, дела!

Я сама не рада:
пылью, сантиметра в два,
обрастаю за день.
А охота, как охота
быть красивой на работе:
я могла бы разодеться
и побрызгаться духами,
но тогда бы все в колхозе
надо мною хохотали:
председатель, мол, у нас
на танцульки собралась!
Ты и сам прекрасно знаешь,
как работа тяжела,
что до пыли на одежде,
коль чисты у нас дела?!»

— Ты задумался о чем-то? —
и лукаво, как девчонка,
вдруг прищурилась она
и взглянула на меня.
И предстал передо мной
образ девушки живой
и промолвил я тогда:
— Вы, как прежде,
молода!
Вы ничуть не изменились,
столько бодрости и силы,
и веселия, и жара,
что недолго до пожара!
Улыбнулась Энахон:
— Все смеешься ты, Бурхон.
Ты и в прежние года
утешал меня всегда.
Повнимательней вглядись:
вот морщины появились,

мне уже за пятьдесят,
годы нас не молодят.

— Для меня, как для мужчины,
несущественны морщины!
Что детали! Ты всегда
Остаешься молода!

— Вот, пожалуй, с этой фразой
я, наверно, соглашусь:
ведь по-прежнему с душою
я к работе отношусь.

Люди делятся со мною,
значит, людям я нужна...
За работой не заметишь,
как украсит седина.

Это — мудрость наступила,
Это знанья накопились —
и поэтому нередко
я советами делилась.

Опыт — это наша сила,
наш накопленный багаж.
Твой багаж — воспоминанья,
да блокнот, да карандаш.

Опыт мой — мои ладони.
Руки помнят каждый год:
урожаи и потери,
каждый сев и каждый всход.

Вспоминаю, как когда-то
по весне,

вздыбилась земля горбато —
град прошел по ней.

Заново пересевали,
семена — в руках,
землю на конях пахали
или на волах.

Хоть работы в каждом доме
было через край —
всем колхозом мы спасали
общий урожай.

Если б нам тогда сказали,
что придет тот час,
и работу будет делать
техника за нас, —
то-то было бы веселья
среди женщин и мужчин!
А теперь — нельзя представить
нашей жизни без машин.

Мы теперь живем богато,
каждому работа есть.
И живет закон в бригадах:
«Наше дело — наша честь!»

Разговор перебил
телефонный звонок:
кто так поздно звонил
я представить не мог.

Но был твердо уверен
тот,
звонящий, что он

даже в позднее время
здесь найдет Энахон.

Отвечала спокойно и кратко она,
и мне стало понятно, что знает она
все колхозные нужды. А точность ответов
и уверенный тон — подтверждали все это.

Я не помню, о чем их беседа была:
началась культивация... техника вышла...
агрономы считают... в порядке дела...
Я их слушал, но как оказалось, не слышал.

Я подумал о том,
что как крупный бутон
счастлив вырасти в свежую, пышную розу —
так, наверное, счастливы люди в колхозе.

Я подумал о том,
как весомым трудом
здесь, наверное, каждый привычен гордиться —
так весельем и радостью светятся лица.

Я подумал о том,
что у каждого дом
чистым светом добра озарен на столетья,
и за добрый тот дом
благородным трудом
здесь, наверное, каждый сумеет ответить.

* * *

Как странен иногда ход рассуждений,
как трудно путь его предугадать:

я будущее пел,
через мгновенье —
о прошлых днях я начал вспоминать.

Мы были годами молоды,
мы были сознаньем взрослыми,
мы были нередко голодны
и руки нередко мерзли.

И грели мы руки работой,
и грели мы руки мыслями:
Победа нужна фронту!
И мы победим, выстоим!

И поле нам стало домом,
а домом — страна большая,
и мы превышали нормы
обычного урожая.

В колхозе мужчин мало;
кто стар,
кто на фронте ранен.
Работали дети. Да мамы.
С утра до утра. На равных.

От сырости поле киснет,
срываются сроки сева,
но не было даже мысли
о том,
чтоб сорвать Дело.

А Эна была в то время
совсем молодой девчонкой:
бригада ее гремела
и слава звучала громко.

В смекалке ее и задоре
мы все убедились воочью:
она предложила первой
работать на поле ночью.

И перед смекалкой Эны
поникли седые бороды.
И все, как один, вышли
прокладывать первые борозды.

А в поле тогда не было
ни фонарей, ни лампочек.
Лишь ярко горящие факелы
несли два подростка-мальчика.

Решение было верным,
другого выхода нет, —
и вот, наконец, появились
зеленые всходы побед.

Природа нас не щадила:
невзгоды и непогоды,
но, все же,
какая-то сила
жила в нас все эти годы.

Она нас вела в атаку,
она помогала верить,
она распахнула в завтра
свои широкие двери.

Как имя твое, сила?!
Мы живы делами твоими!
— Великое имя — Россия,
Победа — высокое имя!

Гордое имя — Партия,
Светлое имя — Честь,
Единая сила Правды
В деле уверенном есть.

От воспоминаний прошлого
я словно в плечах — шире,
какие мы горы ворочали,
когда молодыми были!

Какими мы были взрослыми!
Как помыслы были чисты!..
Я вздрогнул от звука голоса:
— О чем призадумался ты?

Давно разговор закончив,
глядела она на меня.
— Я вспомнил о сорок четвертом,
об этих нелегких днях...

— Я тоже не забываю
тех лет небывалый подъем.
Но нынче забота другая
в сердце живет моем.

Время летит удивительно быстро:
Земля изменила свой лик и наряд, —
но наших вчерашних успехов искры
сегодняшним светом победы горят.

И свет этот должен быть ярким и чистым,
нас к цели ведет трудовая семья:
и в первых рядах,
как всегда, коммунисты, —
опора, надежда и гордость моя.

Погода нас дарит погожими днями,
счастливой весной окрыляет природа,
гигантские планы стоят перед нами,
и выполнить их — вот задача народа!

Я верю, что мы победим обязательно!
И пусть этот путь беспокоен и труден:
мы выполним план, а потом обязательства,
и «белое золото» Родине — будет!

II

Вечер сегодня был светел и тих,
ветер гулял по листве тополей,
трогая ветви, как струны. И с них —
падали звуки в ладони полей.

И по земле эти звуки неслись
плавным напевом сегодняшних лет,
то уносилась мелодия ввысь —
к звездным туманам далеких планет,
то ниспадала прозрачным дождем,
длинные косы свои распустив,
словно рождала в полете своем
маминой песни знакомый мотив.

Словно открылась заветная дверца!
И окрыленно шагнув на порог,
я напеваю созвучную сердцу
песню, длиною в мой жизненный срок.

Я по родимой иду стороне:
легок мой шаг и ликует душа, —
все здесь знакомо — и радостно мне!
И удивительно жизнь хороша!

Вот деревья, как солдаты,
поздоровались со мной:
молоды, молодцеваты,
держат ровно строй прямой.

Да и сам я подтянулся
от веселых голосов,
словно в молодость вернулся
я на несколько часов.

Птичий гомон неумолчен —
звонок,
непоседлив...
Мы идем с друзьями ночью
и ведем беседу.

— Посмотрите, — первый молвил, —
ночь светлее дня:
к жизни ясною любовью
ночь озарена.

А второй сказал: «Заметьте,
милые друзья,
как сады прекрасны эти,
зелены поля».

И добавил третий гордо:
— Я в одном уверен твердо,
что чудеснее и краше
не найти планеты нашей.

Звезды на небе зажглись
и смотрели робко,
как вода дарила жизнь
молодому хлопку.

Голоса с полей звучали,
полные веселья,
это люди продолжали
поливать посевы...

Я поэму свою, очевидно,
переписывать буду не раз,
чтобы все, что я слышал и видел
было близко любому из вас.

И, высоким порывом наполнен,
я сказал своим лучшим друзьям:
— Как я счастлив,
что хоть ненадолго,
но из города вырвался к вам!

Как я рад, что вы живы-здоровы!
что еще человеку желать?
Чтоб с друзьями увиделся снова,
чтобы милую маму обнять,
чтобы вновь побродить по дорогам,
по которым давно не ходил,
чтоб глотком захлебнуться холодным
из студеной, прозрачной реки.

Разве нужно мне что-то иное,
если в мирное время живет,
если добрым наполнен покоем
мой счастливый и мудрый народ.

Вот и дом впереди показался,
я друзей приглашаю во двор,
чтобы там,
в обстановке спокойной,
мы продолжили наш разговор.

Но они отказались остаться:
было поздно — спешат по домам.
Как прекрасно с друзьями встречаться,
и от боли разлуки спасаться
редкой встречей, что выпала нам!

Скажу по чести, был бы я не прочь
с друзьями разговаривать всю ночь,
И, может быть, беседа снимет стыд,
которым вся душа моя горит.

Чем ближе дом,
тем тягостнее путь:
о голова! придумай что-нибудь!
Как объясню я матери родной,
что в поздний час приехал я домой?
— Ах, мама, я сегодня так устал,
ах, мама, я непунктуальным стал,
ах, мама, проработал я полдня!
Что объясненья, если ждут меня?!

Когда домой я раньше приезжал,
я даже час приезда сообщал.
И дома собиралась вся родня,
и кто-то первым замечал меня,
и был я тесной окружен толпой:
знакомый взгляд — веселый, дорогой...
Тепло и счастье излучали свет —
роднее дома не было и нет.

Осталась в доме только мать одна,
устала от дневных забот она,
ладонью на подушку оперлась
и долго-долго
не смыкала глаз.

Разъехались и дочки, и сыны,
у каждого свой дом и свой очаг,
но нас объединяют даже сны,
которые мы видим по ночам.

До сих пор живет обычай старый
в кишлаках таджикских: с давних пор
по ночам не запирают окна,
дверь не закрывают на запор.

Кто б ты ни был:
путник запоздалый,
человек, уставший от ненастья —
для тебя всегда открыты двери,
как душа, распахнутая настежь.

Отворилась калитка
и в юность меня пропустила —
сколько здесь пережито,
сколько здесь передумано было.
Здесь, в честь старшего сына,
рассудительного Саади,
беззащитную иву
я у нас во дворе посадил.
Сын давно уже взрослый,
ива взрослою стала —
свои длинные косы
до земли разметала.
И как сердце светить не устало, —
ива — лампу к стволу
ветвями своими прижала.
И от света тепло во дворе,
и спокойно, и свято —
словно давнее детство мое
на минуту вернулось обратно.

Как близка и знакома картина,
вижу я в тишине:
моя мама над внуком склонилась
в настороженном сне.
Спит ее продолженье,
спит святое начало начал.
И судьбы повторенье
я отчетливо здесь прочитал.

Бесконечное утро
осенило мальчишечьи сны,
и бескрайняя мудрость
увенчала седины твои.

Я тихонько окликнул,
я по имени маму назвал,
и от радости вскрикнув,
обняла моя мама меня.

Мама, милая мама, прости
повзрослевшего сына,
за короткие, редкие встречи,
прости,
пусть они коротки,
но они и светлы, и чисты —
так давай же наполнимся ими.
И стекали слезинки одна за другой
по бороздкам морщин на щеке,
я ловил эти светлые слезы рукой
и они высыхали в руке.

А потом она мне задавала вопросы
и беседа не раз свое русло меняла,
даже гордая ива с зеленой прической
с полуслова меня понимала.

И веселые струи прохладного ветра,
словно струны дутара высоко поют,
и течет моя речь, как река вдохновенья,
наполняя усталую душу мою...

* * *

...Как хороша подушка из атласа,
как утренний приятен ветерок —
и жизнь, и настроение — прекрасны,
так утверждает автор этих строк!

И сказочно-волшебна, как подарок,
сияла ночь в спокойной тишине:
чабан-Луна и звездная отара,
наверное, завидовали мне!

Восторженность — вот настроенью имя,
и оттого мне было не до сна.
Сон отогнал раздумьями своими,
я до утра не спал.
Откуда столько силы и уменья,
откуда столько яркого горенья,
откуда столько доброго терпенья
в себе находишь ты?!
И сквозь морщины
мудрость проступает,
и сквозь седины —
опыт проступает,
огонь работы
старость затмевает —
и ярче стали
прежние черты.
Черты прежней Энахон,
черты нежной Энахон,
луноликой, тонкобровой,

быстроногой и веселой,
нашей Энахон!

Но, конечно, не за это
признанным авторитетом
Энахон у нас слыла:
все ее приказы
выполнялись сразу —
совестью и правдой
славились дела.
Дела мудрой Энахон,
чернокудрой Энахон,
луноликой, тонкобровой,
быстроногой и веселой —
нашей Энахон!

И сейчас вершит она
как мужчина, дело —
все, что ни решит она,
решено умело.

Много черт неженских есть
в этом нраве гордом:
твердость, выдержка и честь
чтимы всем народом.

И уверенно идут
люди вслед за нею,
и ее не подведут
совестью своею.

Так сияй же
ярче, свет,
добрый свет
ее побед!

И опять воспоминанья
увели меня туда,
где работа и старанье
были правилом всегда.

В это время еще продолжались на фронте бои,
и горела земля, погибали солдаты на ней.
Но все радостней сводки по радио. И все видней,
как победная песня расправила крылья свои.

И с надеждой глядела планета на наших парней,
и победу старался ковать тогда каждый из нас:
и трудился на поле народ для решающих дней,
приближая грядущей победы ликующий глас.

...В этот день принесли мы
заметку в газету —
о работе в соседнем
колхозе «Шахтер».
Как мы бойко писали
тогда репортажи,
как за тему брались,
как язык был остер.

Нас приветливо встретил
редактор газеты,
просмотрел материал,
тут же в номер заслал,
похвалил —
и задание новое дал.

— Получив работу эту,
я возликовал до слез,
потому что нужно было
ехать в мой родной колхоз.

Энахон искали
в поле целый день:
от жары устали,
об одном мечтали,
отыскать бы где-нибудь
воду или тень.
Долго-долго шли мы,
отдыха не зная,
но вперед вела нас
важная работа:
Энахон нашли мы
на хлопковом поле.
Веско вынимаем
пыльные блокноты:
Энахон как будто
нас не замечает
и двумя руками
хлопок собирает.
Собирает хлопок
бережно и быстро.
И за нас с Мавлоном
тут я оскорбился:
— Ты решила, мы лентяи,
чистым занялись трудом?
Что ж ты нас не замечаешь,
что ты нам не отвечаешь,
словно мы без приглашенья
и без спросу вторглись в дом?!
Недоверчиво глядишь ты,
может быть, решила ты,
будто мы не журналисты,
а хлопковые кусты?!

Но, плечами пожимая,
Энахон ответила:

— Я тружусь для урожая,
а не для газеты.

Тоже мне — нашли героя, —
обо мне писать!
Нас таких в бригаде много,
всех не сосчитать!

Наше поле — поле боя.
Наш солдатский долг —
Дать стране побольше хлопка
и в кратчайший срок.

Лучше слова — только дело,
нам ли возражать:
вместе с нею жемчуг белый
стали собирать.

Не успели оглянуться,
вечер наступил,
мы ее канары[1] взяли —
взвешивать пошли.

Хлопка килограмм собрать
нужно постараться:
Энахон за день работы
собрала — сто двадцать!

Энахон завоевала
первое место,
а мы с Мавлоном написали
не статью, а песню.

---

* Канар — мешок для хлопка.

Наши перья покорила
ловкостью она,
наше сердце вдохновила
скромностью она.
Мы писали слогом вольным
о делах ее,
и редактор был доволен
нашею статьей.
И о ней писать почаще
попросил он нас,
потому что был примером
труд ее сейчас.

В эти дни мелькало часто
имя Энахон в газете,
это имя стало частью
общей чести и победы.
Но известность, к удивленью,
не испортила ее:
скромность,
честность и уменье —
были правилом ее.

Как же было не влюбиться
в обаятельное чудо?!
И любовные посланья
я тогда писал повсюду.

Соловья заслышу пенье,
этот звонкий чистый свист, —
с нежным голосом сравненье
просится на белый лист.

И сквозь утренние зори
или раскаленный зной —

мне мерещатся узоры
тюбетейки расписной.

А мерцанье тихой ночи
ярким звездным всплеском —
мне напоминало очи
тайною и блеском.

Тонкий стан
ложился в песню —
веткой кипариса,
а уста,
что нет прелестней —
розою душистой.

Нету песни веселей,
высоки слова.
А Поэзией моей —
Энахон была!

Какою волшебною властью
природа любовь наделила:
парим — околдованы счастьем,
царим — награжденные силой.

Готовы на битву и подвиг
мы ради любимого взгляда,
одно лишь веселое слово —
и лучше не надо награды.

Не может учеба сравниться
с порою влюбленности первой!
Летел я на крыльях,
как птица,
к прекрасной красавице-пери.

Но как-то однажды,
измученный жаждой
увидеть сияние ласковых глаз,
я фразу услышал:
— Ты часто, братишка,
в последнее время бываешь у нас.

— Ну это уж слишком!
С какого же дня
ты младшим братишкой
считаешь меня?!

И слово ответа
сразило меня:
— Да с первой минуты
и с первого дня.

С тех пор не бывал я
в бригаде ни разу,
и все вспоминал я
обидную фразу,
«что с первой минуты
и с первого дня,
я младшим братишкой
считаю тебя».

А годы спустя я от старших узнал,
что зря я тогда
от любви умирал:
она по обычаям нашим
сестрой приходилась мне старшей.

А я самолюбие тешил свое:
я не был на радостной свадьбе ее,
когда ее муж на войну уходил, —

хоть другом, хоть братом, —
но где же я был?!

Когда на него похоронка пришла,
не я говорил утешенья слова,
не я был с ней рядом в тот горестный час...
К чему сожалеть мне об этом сейчас?

Тогда моя помощь была ей нужна,
когда почернела от горя она,
как черная роза цвела по весне.
Сто тысяч проклятий проклятой войне!

...Был светел Навруз и зелен.
Как праздника ждали мы!
Мы были давно уверены
в близком конце войны.
Работали в поле дружно,
никто себя не щадил:
мы знали, что это нужно
и мы не жалели сил.

И в самый разгар работы,
в жаркий полуденный час
к нам подошел Абдулло Фозыл
и долго смотрел на нас.
Потом он печально достал письмо
из старенькой сумки своей,
не глядя на нас, подошел к Энахон —
и конверт протянул ей.

Она еще помнила теплые руки.
(Как счастия миг короток!)
И свадебных песен веселые звуки
слезами легли на строки.

И тих был голос ее, и строг,
и силой наполнен был:
— Клянусь перед Родиной —
выполнить долг,
работой фашистов бить.
Хочу я исполнить своим трудом
Отчизны святой наказ:
за чистое небо и мирный дом
работает каждый из нас!

И клятву эту за ней повторил
седой Абдулло Фозыл.
И каждый из тех, кто на поле стоял,
выполнил, что обещал.
И горе ее в работу ушло:
в посевы, поливы, сбор,
и в поле мелькал до вечерних звезд
ее головной убор.

А слава летела за нею вслед
и даже чуть-чуть быстрей:
бригада добилась больших побед
и все говорили о ней.

В тот год на учебу поехал я,
об этом давно мечтал.
Но перед отъездом об Энахон
большую статью написал:
Кто в свои восемнадцать лет
вел за собой комсомол?
Кто оставил заметный след
в буднях военных лет?
Кто Всесоюзным ударником стал,
письмо из Москвы получил?
Кто обещал, не жалея сил,

новых добиться побед?
Чья бригада решила трудом
отметить событие это —
и возле дороги построила дом,
для отдыха в полдень летний?
Усталому сердцу несут покой
прохладные воды ручья:
и люди знают, в чью честь этот дом
и в этом заслуга чья...

...Горит бутоном розы утро раннее,
всей гаммой красок светится восход —
и как договорились мы заранее,
ждала меня машина у ворот.

И вот мы едем, ветер обгоняя,
по чистой улице моей мечты:
и плещет поле новым урожаем,
и, словно люди, радостны цветы.

Мое ликует сердце в изумленьи,
я красотою утренней пленен, —
уже машина у крыльца правленья,
и жду я новой встречи с Энахон.

III

Все начинается с рассвета:
и жизнь, и люди, и судьба —
поет, наполненная ветром,
вперед зовущая труба,
и краски яркого восхода
собой заполнят пьедестал:
недаром у людей Востока
в почете тот, кто рано встал.

Кто рано встал, тот, без сомненья,
сумел продлить свой день и век,
достоин только восхищенья
с утра встающий человек.
Еще ночного сновиденья
царит властительная сила, —
но полон человек кипенья,
работой занят, сердцу милой.

Кто много прожил, тот итожит
минуты каждой властный бег:
позволить он себе не может
лентяем свой закончить век.
И Энахон не исключенье:
еще на небе солнца нет, —
встает с утра. На протяженьи
почти шести десятков лет.

Есть и привычка, и сноровка,
ей неизвестно слово «лень»:
в ее руках мелькают ловко
садовый нож или кетмень.
Она работает с охотой,
посмотришь — на душе светлей:
любимой занята работой —
ну как не радоваться ей!

Когда любовью сердце полно,
когда душа твоя светла,
то словно возникают волны
любви и доброго тепла.
От этих волн растут деревья
и распускаются цветы —
высоким символом доверья,
высоким смыслом доброты.

Нельзя отнять у человека
его уменье, мастерство,
будь дома ты, иль на работе —
но от людей не скрыть его.
В своем дворе,
на общем поле —
отдача полной быть должна:
твоих трудов заметна доля —
тобой гордится вся страна.

И труд нелегкий, неустанный
строкою песенной горит,
и о моем Таджикистане
моя страна заговорит.
Заговорит о бурных реках,
о жарком солнце на века,
заговорит о человеке,
его талантливых руках.
Руках, которыми по праву
гордится, славою сильна, —
моя могучая держава,
моя великая страна!

* * *

...Вот проснулась Энахон поутру,
окунулась в предрассветную темь, —
с кетменем она пошла по двору,
разрыхляет землю кетмень.

Станет мягкой и доброй земля,
если вложена частичка души,
будет щедрою она, а еще
будут всходы на земле хороши.

Вот мешочек достает Энахон,
семена коснулись теплой земли —
ароматные гашнич и райхон,
а по-русски — кориандр, базилик.

Распахнуло солнце глаза,
начал просыпаться народ,
раздаются птиц голоса:
Энахон в правленье идет.

А вокруг — сады да цветы,
а кругом — дыхание роз,
и среди такой красоты
с каждым годом краше колхоз.

* * *

Мчит машина по дороге
ясным и прохладным утром:
мне места знакомы вроде,
но узнать их очень трудно.
Энахон смеется хитро,
глядя на мои сомненья:
— Ну-ка, вспомни, что здесь было,
где сейчас стоит правленье?
Я с трудом пытаюсь вспомнить.
Получилось.
Вспоминаю:
— Раньше здесь стоял коровник
Было несколько сараев.
Сено мы сюда свозили,
медленно ступала лошадь...
А теперь здесь сад красивый
и горит огнями площадь.

Удивлен! Нет, это слово
не подходит к состоянью:
восхищен и очарован
созиданьем и дерзаньем!
Настроение — прекрасно!
Вдохновенье — тоже есть:
я, пожалуй, просто счастлив
от того, что вижу здесь!

Так, по строчкам,
по ступенькам,
все растет моя поэма,
набирая постепенно
силу крыльев и размах, —
я за каждою строкою
узнаю своих героев:
тех, кто день проводит в поле,
кто дома на совесть строит,
и, конечно, тех, кто позже
будет в новых жить домах!
Много ль человеку надо:
раз — любимая работа,
два — домашние заботы
и счастливая семья,
три — и чтобы были рядом
(будь то горе или радость),
с добрым сердцем,
с добрым взглядом —
вы, надежные друзья!
Правда,
радость, счастье,
совесть —
и соратники, и братья,
нам в строительстве подмога
и во всем пример всегда.

С ними мы, не беспокоясь,
строим города и судьбы,
строим вехи коммунизма,
вехи мира и труда!
...Вот машина ход сменила,
и плывет неторопливо
по дороге, что сверкает
от недавнего полива.
Вижу лично, без подсказки,
как мечта реальной стала:
вот красивый, словно в сказке,
новый корпус кинозала.
В новом здании столовой
и уютно, и светло.
Магазин откроют скоро,
магазин — на все село.
«Через десять лет,
пожалуй,
не узнаю я кишлак», —
так я думал, вылезая
из машины.
Сделал шаг
по обочине шоссе,
захлебнулся ветром свежим
и провел рукою нежно
по сверкающей росе.
Вот они, мои истоки!
Вот История моя!
Ветра вольные потоки
и журчание ручья.

Так вот ты каким Сари Куй стал!
Красивым и обновленным стал:
награда за труд пришла к тебе, —
об этом поют мои уста!

Об этом республика знает моя,
и этим гордится страна моя —
о том, что свободной и радостной жизнью,
наполнились светлые эти края!

* * *

— Веди меня, экскурсовод:
приказывай, вели!
С тобой отправиться в поход
готов на край земли.
Во всем я вижу добрых рук
работу. И отныне —
я вас пою, мой милый друг,
советская богиня!
Так думал я, шагая вслед
улыбке и участью
того, кто оставляет след,
того, кто строит счастье.
А Энахон вела рассказ,
почти не прерываясь:
— Вот школа новая у нас,
красивая, большая.
Здесь светел класс,
просторен класс:
читаем, учим, пишем.
И все учителя у нас
с образованьем высшим.
Высокий здания порог
ведет ребят к вершинам,
здесь учат главный свой урок —
на званье гражданина.

А вот, смотри, цветущий сад
на этом месте вырос,

а много лет тому назад
здесь было пусто.
Сырость,
болотистая почва, топь,
но как-то утром рано
бригада вышла во главе
с Махмудом Курбаном.
И осушительный канал
бригада прокопала,
болота здесь и след пропал:
земля землею стала.
И саженцы, за рядом ряд,
тут силу набирали,
и сладким золотом наград
героев увенчали:
и вот теперь двойной доход
приносят урожаи,
и плод трудов своих — народ
реально ощущает.
Средь сада вырос детский сад —
одно из лучших зданий,
и утром малыши спешат
сюда без опозданий.
И детский лепет ребятни
я слушаю счастливо:
— Смотрите — груша, а на ней
растет большая... слива!

Мы едем дальше. Энахон
вдруг сделалась серьезной:
наверно, вспомнила о том,
каким упорнейшим трудом
спасали сад колхозный.
— Ведь в те года,
что было тут?

Растут сады — и пусть растут,
до них ли было дело!
Все помыслы одним полны:
побольше хлопка для страны,
тончайшего да белого.
Поля для техники тесны —
им подавай простор,
и вот фруктовые сады
пустили под топор.
Все меньше их из года в год
в колхозе оставалось,
и опечалился народ,
и ниже стал у нас доход —
и за судьбу колхоза я
серьезно опасалась.
Но вот решение пришло:
объединить колхозы...
Тут словно на меня нашло
и покатились слезы.
Сидела долго я одна
в огромном кабинете:
«Как много сделала страна
простым решеньем этим.
Какой невиданный простор
для техники теперь —
два поля, три — слились в одно
и может тракторов звено
работать без потерь...»
Да, с той поры, с тех самых лет
и начался у нас расцвет.

* * *

— Светло-розовый лепесток,
нежно-радостный голосок,

что за песню ты мне поешь,
успокоиться не даешь?

— Я пою про весну воды,
я пою про свои сады,
про твое, Энахон, сердце,
что спасло меня от беды.
Как-то раз
ты к хлопковым сушилкам пошла,
просто так подошла, разговор завела,
говорили мужчины — сушильщики хлопка,
про работу, заботы свои, про дела.
Ярко, жарко пылали огня языки,
и мужчины дрова подложили в огонь,
и взметнулся столбом этот огненный крик,
этот огненный плач,
как израненный конь.
Ты тогда, Энахон, увидала в костре
абрикосов и вишен тугие стволы,
как слеза проступила на тонкой коре...
И из сердца как будто бы дым повалил.
— О, листок-лепесток,
ты и прав и не прав,
я сгорала сама от стыда на огне,
было близко мне горе деревьев и трав:
дать им новую жизнь — вот задание мне.
Ты пойми, лепесток,
ведь с другой стороны,
не желали сушильщики хлопка беды,
им огонь и дрова для просушки нужны,
чтобы не было в хлопке ни капли воды.
И тогда поняла я, что время терять
не имеем мы права. И в наших руках —
нашей будущей славы живые сады,
нашей будущей жизни живая строка..

* * *

Голосует стар и млад:
— Мы посадим новый сад!
Старики сказали мне:
— Мы еще сильны вполне,
опыт наш да плюс наука —
будет сад на память внукам!
Комсомольцы говорят:
— Это наше дело — сад!
Пионеры зашумели
— Мы поможем, не впервой,
поработаем все лето,
и зимою, и весной!
Так закончилось собранье.
А на следующее утро
вышли в поле спозаранок
наша техника и люди.

Помнят сады,
тех, кто в беде помог,
дарят сады
солнечный аромат.
Осенью зреют плоды —
наших трудов итог,
а сколько забот и тревог
нам приносил сад.
Помню, Ходжи Али,
что председателем был,
он для нашего сада
саженцы привозил
вез из другого района
(помнил про наш заказ),
дел таких — миллионы
он выполнял не раз.

Знал своего председателя
весь наш район большой:
к проблемам большим и маленьким
он подходил с душой.
Решал и мудро, и просто
сложные он дела,
поэмой ума и сердца
вся его жизнь была.
Область его хвалила,
эх, если бы жизнь — длинней!..
Если бы сердца хватило
дожить до сегодняшних дней:
увидеть садов цветенье,
от края до края поля,
узнать, что своим обновленьем
тебе благодарна земля.
Дела остаются в народе
(не всякая смерть — конец) —
названием главных улиц
и памятью наших сердец!

Она замолчала и я молчал.
Как торжественна тишина!
И новый рассказ для меня прозвучал:
о Махмуде Тоджи рассказала она.
Как он жил среди нового сада один,
в шалаше, вдалеке от родного села,
как умело бригадою руководил,
где работа его — всем примером была.
Они подняли воду из речки Равот
и очистили землю от мелких камней,
и земля в благодарность от стольких забот
ожила — и сады зеленеют на ней.
Но, я помню, однажды случилась беда:
молодые деревья невестились в ряд,

а в ту пору случились у нас холода, —
и отара овец забралась в этот сад.
Не сумел уследить нерадивый пастух,
был он сам, как овца, среди этих овец.
И Махмуд почернел, постарел и потух,
словно жизни лишившийся вдовый отец.
Но прошли времена — и цветет новый сад,
красотой человеческий радуя глаз.
Вновь Махмуд за работой — и весел, и рад,
и теперь, что почетнее многих наград,
этот сад его именем назван у нас.

* * *

...Где широкий топчан возле самой реки
курпачою атласной покрыт в два ряда,
где поют соловьи и кругом цветники,
где стихает тревога,
проходит беда, —
расположен дом отдыха. Этот район
в тех местах называется Сами Полвон.
Ветерок остужает усталое тело
и жара отступает.
Заварен умело,
чай зеленый по кругу плывет в пиале,
словно вышла весна погулять по земле.
За беседою время летит незаметно:
я и сам говорю, и услышать спешу —
и слова облекаются в форму куплета
той поэмы, что я о колхозе пишу.
Что слова!
Не словами пишу я преданье,
а душою и сердцем, строку за строкой:
от веселого гимна до ноты страданья —
жизнь сама я пишу терпеливой рукой.

О колхозе, земле, о судьбе всенародной,
о делах, что исполнены гордой красы:
вот идет по земле человек благородный —
земледелец-умелец Самиев Насыр.
Про него говорят: «Он руками своими
даже палку сухую заставит цвести».
Всем известно в народе достойное имя,
как и сами сады, что Самиев растит.
«Лучше раз посмотреть, чем услышать об этом», —
приезжают из разных республик сюда,
говорят, что вкусней абрикосов на свете
не сыскать. И увозят в свои города
абрикосовых саженцев пару десятков.
А потом сотни писем приходят ему:
что богат урожай, что он сочен и сладок —
в Ереване, в Ташкенте, в Баку и Крыму.
Если труд твой полезен,
то можешь по праву гордиться:
ты родился не зря,
не напрасен твой подвиг сейчас, —
в Книге жизни горит
и твоя золотая страница,
освещая дорогу,
тому, кто придет после нас!

IV

«Белое золото» нашего края
счастьем людей неспроста называют:
месторождением золота стали
наши таджикские шири и дали.

Местом рождения дел золотых,
дел золотых и побед трудовых!

Если выбираюсь летом
в свой кишлак — хоть ненадолго
с обязательным приветом
приезжаю к хлопкоробам:
с самой лучшей из бригад
встретиться я очень рад.
Здесь поделятся с тобой
и удачей, и бедой,
не стесняются услышать
от людей совет любой.
Дружбой славятся в народе —
лучшим спутником труда —
рапортуют об итогах
только первыми всегда.

Бригадир у них отличный,
не случайно говорят,
что своим примером личным
заражает Адолат.
Адолат была когда-то
лучшей сборщицей. Потом
стала звеньевой в бригаде
знаменитой Энахон.
Скоро стала ученица —
мастерицею полей:
на груди ее искрится
орден Ленина теперь.

* * *

...Дорога, приятель,
бывает такой:
дорога — тревога,
дорога — покой.

Дорогою счастья
зову я, друзья,
тот путь, по которому
следую я.
А мимо машины
бегут тополя,
с обеих сторон
и сады, и поля —
без края, до неба,
до космоса длятся,
ну как тут, скажите,
не удивляться,
когда на глазах,
(за мой жизненный век)
такого величья
достиг человек.

А мимо машины —
хлопковые гряды,
а около хлопка
хлопочет бригада.
Все буднично, просто.
И в этом — величье
труда, возведенного
в давний обычай.

А помнят ли люди,
как в прошлом году
спасали поля,
отводили беду.

А помнят ли люди,
как ночи и дни,
без отдыха в поле
трудились они.

Я сам очевидец
и этому рад,
что видел в работе
людей Адолат.

Вот девушки, косы
забрав под платки,
к хирману приносят
тугие мешки.

И хлопок сушиться
положат на пол,
и выжмут атласного
платья подол,
горячего чая глотнут,
улыбнутся —
и снова
в морозное утро
вернутся.

Вот школьники лозунг
повесили в школе:
«Поможем всем классом
родителям в поле!»

В болоньевых куртках,
в резиновых ботах —
всей школой пришли,
всем найдется работа.

Они соревнуются
со стариками,
но где им угнаться
за горными львами!

...Но вот непогоды
холодное пламя
сменилось погожими
теплыми днями.

Как будто бы не было
ветра и стужи,
остались от снега
лишь мокрые лужи,
но вскоре и лужи
бесследно пропали,
и вышли на поле
машины-комбайны.

Плывут голубые
мои корабли
по вольным просторам
таджикской земли.
Плывут по бескрайним
зеленым просторам —
таджикского моря,
хлопкового моря.

Но вот сообщение —
выполнен план,
и прямо на поле
лежит дастархан.
Собрались на митинг
в обеденный час
все те, чью работу
отметит сейчас
сама председатель.
Стоит Энахон
и долго глядит
на людей Энахон:

«Глаза... Ах, как много
они говорят:
вот взглядом открытым
глядит Адолат.
А этот — смеется,
морщинки-лучи,
у этой девчонки
глаза горячи...
Гордятся собою,
а как не гордиться
тому, кто умеет
геройски трудиться!
Да, подвиг! Любому
(по меркам военным)
медаль я дала бы
за труд беспримерный.
Но подвиг сегодня —
простое явленье
в наш век грандиозных
задач и свершений!
Глаза... Ах как много
они говорят —
глаза, что зажглись
от звезды Октября!»

Это не речь была, нет —
песней текли слова,
как бы сказал поэт:
Весна говорила сама!
Мудрость в речах ее,
радостью сердце полно,
ведь если Весна поет, —
как остановишь ее?!
А меня земляки мои
попросили стихи прочитать,

что о женщинах я написал,
разве мог я им отказать?
— Украшение полей,
королевы хлопка,
вы идете по земле
весело и ловко.
И от вашей красоты
поле стало краше,
и сбываются мечты
от работы вашей.
Неподвластные годам —
гордые, умелые,
вы родной Канибадам
знаменитым сделали!
В песнях ваши имена
лягут первой строчкой,
эти песни распевать
будут ваши дочки.
Вы идете по земле —
весело и ловко, —
украшение полей —
королевы хлопка!

И опять говорит Энахон:
— Если так мы работу продолжим,
то к Великому Октябрю
обязательства выполнить сможем.
И такой успех на долю
выпал лучшей из бригад,
что мы песню «Поздравляем»
посвятили Адолат.
И слова ее тихонько
мне она напела,
и настрой прекрасной песни
передать сумела:

— Эй, джон, джон, джон,
поздравляем Адолат!
Эй, джон, джон, джон,
так в народе говорят.
Эй, джон, джон, джон,
каждый весел,
каждый рад,
нас великим урожаем
удивила Адолат!

Эй, джон, джон, джон,
как глаза огнем горят, —
всех мужчин у нас в колхозе
обогнала Адолат!
Ты лети, джон, джон,
нашей песни звонкий лад,
этой песней, джон, джон,
мы прославим Адолат!
Эй, джон, джон, джон,
так в народе говорят:
эй, джон, джон, джон —
наша гордость — Адолат!

Улыбнулась, повернулась
Энахон ко мне лицом:
— Адолат у нас считают
настоящим молодцом.
Прошлый год — ее заслуга,
хлопок в срок — ее успех.
Все бригады постарались,
но ее — успешней всех.
И сегодня — посмотрите
повнимательней сюда,
как серебряные нити,
по полям течет вода.

Круглый год — зимой и летом,
осенью или весной,
голова ее и сердце
мыслью заняты одной.
Старики о ней с почтеньем
отзываются всегда,
мол, советуется часто
с ветеранами труда.
Адолат у нас стремится
опыт передать другим:
так как есть чему учиться
хлопкоробам молодым.
Не потерпит лжи и фальши,
нерадивых — гонит прочь...

И машина едет дальше...
На поля спустилась ночь:
ветерок неторопливый
чуть колышет тополя,
успокоенно и мирно
отдыхает вся земля.

Но не кончен день обычный
председательских забот,
много разных дел привычных
Энахон в правленьи ждет.
— Нужно выслушать отчеты,
подвести итоги дня,
только в полночь день работы
завершится для меня.

Дрогнули слегка ресницы:
— Мне и ночью будут сниться
цифры, сводки, хлопок, ветер,
да людей родные лица,

без которых мне, пожалуй,
не прожить и дня на свете.

V

Полдень. Жара. И зеленое небо,
словно впитавшее зелень полей,
и облака, как коробочки хлопка,
плавно в высокой плывут глубине
и отражаются в хаузе чистом
легкою шхуной, летящей вперед.
Ива махнула крылом серебристым,
их провожая в далекий поход.
Наши стремления так же крылаты,
наши мечты высоки и легки —
солнцем побед наше завтра богато:
путь к урожаю откроют ростки.

Так размышляя, сижу, наслаждаюсь
вольным простором хлопковых полей,
ветра теченье меня овевает,
мысли свежи и на сердце светлей.
Здесь, в чайхане, в это самое время,
люди пришли посидеть в перерыв:
здесь не смолкает беседы кипенье,
споры здесь жарче полдневной жары.

Места хватает в уютной столовой
и в чайхане многолюдно всегда, —
рады увидеть друзей хлопкоробы —
славные рыцари фронта труда!
Как солнце ярок дойры голос звучный,
гиджак и чанг сливаются в одно
звучание мелодии. Певуче
поет по радио Исхакова Барно.

И замирает сердце восхищенно,
и сладким звуком наполняет ум,
и вслед за новой песней Оромхона
заворожен, я радостно иду.

Песня —
кудесница нашего времени,
добрые мысли, сокрытые в ней,
делают душу народа — уверенней,
дело народа — добрей и светлей.
В песне —
то трели слышны соловьиные,
то молодого ручья нетерпение,
или послышится голос любимой —
чистое, звонкое, юное пение.
В песнях —
коробочки хлопка растут,
и наливается силой зерно...
Большое спасибо за песенный труд,
спасибо, друзья, Оромхон и Барно!

* * *

А люди ведут разговор о делах,
о пользе мороза, дождя и тепла,
о новых сортах и о старых приметах,
но мне удивительно было не это!
Сюда отдохнуть собирался народ,
а сам разговор о работе ведет!
Едва ли с десяток профессий найду,
где так же ответственно, так же охотно —
на поле идут — как на праздник идут,
где слово и мысль — о работе забота.
Сказать не могу, что работа легка,
бывало, ночами выходят на поле,

в награду — надежная друга рука,
в награду — высокое звáнье героя.
По чести скажу,
поразился такому
величию дел
хлопкороба простого.
И вновь убедился я сам,
что по праву
нашла хлопкороба
достойная слава.
В республике труд их снискал уваженье,
их будни поэт воспевал и певец,
их жизнь отразило и танца круженье,
коснулась трудом восхищенных сердец.

Богат дастархан,
что для встречи друзей приготовлен,
чего только нет
на широком его полотне:
орех и миндаль ароматный,
и белый тутовник —
все то, чем богата земля
на моей стороне.
Давно повелось
и обычай у нас почитаем —
хозяин проводит гостей
за большой дастархан.
За ним и беседу ведут,
и проблемы решают:
ко встрече друзей
приготовился Абдусамад.
Бригада его,
соревнуясь с соседней бригадой,
добилась успехов,
и нынче гонцы Адолат

приветствовать рады товарищей,
встретиться рады,
успехом своим
поделиться с друзьями хотят.

Улыбаясь, глядит Энахон
на хлопковое поле:
видно, нынешний год
неплохой урожай принесет,
говорит о земле
и о людях, чьи сила и воля
нас к великим свершениям
ленинским курсом ведет.
Говорит Энахон
и внимательно слушают люди,
говорит председатель
и слушают молча они,
а пред взором моим
вновь мелькают военные будни,
и опять, и опять
вспоминаются трудные дни.
Память моя,
ты все чаще спасаешь меня,
в трудные дни
ты мне посохом верным служила,
ты мне опора и воля,
и правда, и сила.
Память!
Останься со мной
до последнего дня!
Память,
ты помнишь
то третье военное лето:
старый Олим.
И морщинистых глаз острие.

В жаркую пору
окончилось детство мое,
разве когда-нибудь я
позабуду об этом?
Старый Олим...
Слишком стар, чтоб идти воевать,
так мне сказал,
мне в ту пору четырнадцать было:
— Вот что, сынок,
на твою я рассчитывал силу...
Трудно в бригаде,
тебе — за мужчину вставать.
Стало в бригаде Олима
мужчиною больше:
как я старался
казаться взрослей и сильней!
Заполночь я
возвращался, порою, с полей,
падал без сил:
долговязый, чумазый и тощий.
Женщины, помню,
в бригаде жалели меня:
кто накормить,
кто работу
облегчить старался,
я изо всех своих сил
помешать им пытался,
ломким баском
начинал им на это пенять.
Женские руки!
Шершава, обветренна кожа,
темные кольца
ведут хоровод возле глаз, —
женские судьбы,
какое величие в вас:

горем одним
и единою радостью схожи!
Были в бригаде у нас
Сабохат и Бегим:
ростом с меня,
а годами — немного поболе,
трактор, один на двоих,
выводили на поле,
с выцветшим лозунгом:
«Мы все равно победим!»
Техники мало:
единственный трактор — и все,
да развалюха —
видавшая виды тележка,
эту тележку
тянул за собою неспешно
каждое утро
усталый и старый осел.
Не было в нашей бригаде
коней и волов,
были — рабочие руки,
надежда и вера,
с верой в победу
вершили мы трудное дело,
дело,
что было надежнее
тысячи слов.
Табельщик, скажете,
что за работа:
я вспоминаю —
бумаги, отчеты...
Утро меня заставало
в правленьи,
трудно давалось
мне это ученье.

Стали мне формулы
сниться ночами,
снился ночами
квадрат или куб...
Но терпеливо,
неторопливо
мной занимался
бухгалтер Якуб.
Пользу от этой
неспешной учебы
позже сумел оценить я, когда
точно и быстро
сдавал я отчеты
и не краснел я
за них никогда.
Я помню, как вместе со мною училась
сестра Якубхона,
я, помню, всегда
завидовал выдержке, воле и силе,
вдвойне удивлявшей людей, потому что
была Саодат молода.
Обычным считалось
в те трудные годы,
что юность была
на переднем краю.
И мы с Саодат
постоянно старались
получше исполнить
работу свою.
Работа...
Я утром грузил на телегу
огромные, полные
хлопка мешки
и вез на завод,
и сдавал их. К обеду

я вновь возвращался.
Я помню шажки,
да что там! — шажочки,
которыми мерял
дорогу мой старый
усталый осел.
Он медленно шел,
но он шел!
Да-а... веселый
достался мне транспорт.
Однажды я вел
обратной дорогой
осла потихоньку
и вдруг он как вкопанный
встал под черешней.
Его подтолкнул я,
сначала легонько,
потом все сильней и сильней —
безуспешно.
И словом, и криком,
и лаской, и плетью —
не хочет идти!
и ни криво, ни прямо:
как все хохотали
над случаем этим.
— Упрямец упрямца
не переупрямил!
Нам время законы
свои диктовало:
погода плохая —
плевать на невзгоды!
Дожди проливные
обрушатся шквалом —
бригада на поле
в любую погоду!

В то лето как раз
нам природа явила
своей кладовой
потайные сюрпризы:
то жаром поля и сады опалило,
и дул суховей с нарастающей силой.
Но самым опасным из этих капризов
был град, что огнем пулеметным своим
косил и ростки, и надежды людские...

* * *

Вдруг слышу голос:
— Я сейчас
представлю человека,
он табельщиком был у нас,
с тех пор прошла треть века...
Бурхон сегодня знаменит,
поэтом стал известным,
кто знает, может, он про нас
потом напишет песню,
и будут эту песню петь
по праздникам ребята —
о том, что жили на земле
их прадеды когда-то...
Очнулся я от этих слов,
похвальных и сердечных,
и стало на душе светло.
И обратился с речью
я к тем, кто на поле стоял,
обычным хлопкоробам,
и много добрых слов сказал
об их труде суровом
Я им прочел стихи об их
свершениях высоких,

им — адресованы мои
торжественные строки:
— Здравствуй,
мастер-золотые руки!
Как твоя работа нелегка,
человек, кому понятны звуки
звонкой песни первого ростка.

Покорил ты воду, землю, воздух —
человек, избравший трудный путь.
Человек! К тебе слетают звезды
прямо с неба — орденом на грудь!

Как бескрайня ширь полей и пашен:
хорошеют земли с каждым днем.
Дастархан твой праздничный украшен
щедрыми дарами.
Вот на нем —
яблоко алеет спелым боком,
медоносной груши аромат
полнит сердце радостью глубокой,
и горит янтарный виноград —
лучшею наградой земледельцу,
лучшей похвалой твоих побед.
Славлю я великого умельца,
славлю нынче — и на много лет!

Вот стоят предо мной
эти сильные, гордые люди,
мой народ трудовой,
полон новых надежд и стремлений.
И они коммунизм —
непременно и скоро построят,
как велел и учил,
как наказывал Ленина гений.

И партийный наказ
выполняем мы просто и свято,
как военный приказ
выполняли на фронте солдаты.
Вот они предо мной —
моих строчек герои простые,
наш народ трудовой,
наша гордость,
и слава,
и сила!

* * *

И опять взрывной волною памяти
отнесло меня в те дни, когда
плавилась земля, горели камни
и тянулись сутки, как года.
В поле мы от холода спасались:
только труд — спасенье и награда.
Досыта лишь летом наедались
абрикосом, сливой, виноградом.
Помню, как Бобо Олим решил
дыни вырастить на маленьком участке:
урожай удался. Как был счастлив
он, и не жалея сил
принялся вокруг полей хлопковых
кукурузу и фасоль сажать.
И опять был добрым урожай —
мы давно не видели такого.
Что с мальчишек взять — хоть сотню порций
съешь подряд — наутро сытый еле:
помню как-то раз с Юльчи на солнце
мы полдня в засаде просидели:
набросали проса, притаились
в кукурузных зарослях. Примолкли.

Долго ждали. Наконец спустились
три или четыре перепелки.
Ах, как вкусен суп перепелиный:
настоящий, жирный, ароматный.
А остаток спрятать мы решили,
замаскировав поаккуратней.
Радостными мы на поле вышли:
дело спорится, душа ликует,
никакие тягостные мысли
твой голодный мозг не атакуют.
До обеда было все прекрасно,
а потом нам захотелось есть —
ищем суп. Но поиски напрасны:
супа нет, одна кастрюля здесь.
Что нам оставалось? Только плакать:
не ругать же, в самом деле, пса,
что за нами плелся виновато —
старый и голодный пес Арслан...

...Закружился в танце
праздник Урожая.
И душист, и тонок
плова аромат.
Славно потрудился —
славно отдыхает
со своей бригадой
наш Абдусамад.

По труду награда —
так живет бригада,
об ее успехах знает вся страна.
И за труд отличный —
знаками отличья
на груди сияют
звезды-ордена.

VI

Стрекочут кузнечики,
песни заводят цикады —
спускается вечер,
спускается вечер прохладный.
И легкого ветра
еще недвижимо теченье,
и запахи хлеба
так густо стоят над селеньем.
И видится мне
за оконною рамой,
как в каждом окне
улыбаются мамы.
Теплы и добры
очага огоньки,
и звезды на небе —
светлы и ярки.
Покоем и счастьем
вечернего света
легко, успокоенно
дышит планета.
...И в воздухе сладко
запахло цветами,
и сумерки светятся
детскими снами,
все папы и мамы
уснули давно,
но только в правлении —
ярко,
одно, —
до поздней до ночи
не гаснет окно.
Здесь жаркие споры
настолько остры —

они полыхают,
как будто костры,
они не стихают,
они нарастают,
здесь много проблем
активисты решают:
о новых сортах
и о форме работы,
о детских садах
и о школьных заботах,
я слышал, как здесь
похвалили бригаду
и стиль руководства
Абдусамада:
где каждый в ответе
за общее дело,
здесь поиск и опыт
соседствуют смело,
здесь день ото дня
выполняют заданье,
здесь нету прогулов
и нет опозданий,
а значит — растет
эффективность труда.
Здесь в первых рядах —
коммунисты всегда.
Партийная совесть и честь —
примером для каждого здесь.
Высокие цели
всего коллектива —
бригаде добавили
новые силы.
Здесь в полном порядке
стоят трактора:
готовы работать

с утра до утра.
Прочищен мотор
и детали блестят —
за этим всегда
трактористы следят.
Здесь сменной профессией
каждый владеет,
и каждый —
за общее дело болеет.
Тут слово
парторг Саиди произнес:
— Для нас не секрет,
что сегодня вопрос
стоит на повестке —
о качестве дела.
И эта бригада,
я верю, сумела
работой своею
нам всем показать,
как нужно
партийный наказ выполнять.
Скажу откровенно, товарищи,
надо —
прислушаться к мнению
Абдусамада,
послушать отчет
дорогой Адолат:
в колхозе у нас
нет достойней бригад.
Они не привыкли
на месте стоять:
о новом в бригадах —
нам стыдно не знать.
И главный бухгалтер,
Иномов Наби

парторгу кивнул головою:
— Ты верно сказал
замечанья свои,
и все мы согласны с тобою...
Сказал плановик
и сказал агроном,
механик сказал
и бухгалтер —
и все как один
говорили о том,
что эти бригады
ударным трудом
бойцовский явили характер.
Был град
и от града спасали они
хлопчатника тонкие стебли;
а в засуху,
в жаркие знойные дни —
поили спаленную землю.
Стремленье к победе
не знает преград:
трудились бригады
не ради наград
и в дождь,
и в жару,
и в морозы, —
и очень весом оказался их вклад,
прославивший имя колхоза...

Собранье закончилось,
все разошлись,
остались парторг,
председатель:
итоги работы они подвели,
наметили планы на завтра.

Еще раз взглянула в блокнот Энаджон,
о чем-то парторга спросила,
исправила цифры карандашом,
за помощь поблагодарила,
потом она книгу взяла со стола
и нам прочитала такие слова:
«Преграды в пути ожидают, лишенья —
того, кто не слушал моих наставлений,
(я их неустанно готов повторять):
лишь тот доберется до верха свершений,
кто времени даром привык не терять!»
Хорошая книга, как мудрый наставник,
нас с детства по светлой дороге ведет,
хорошая книга — торжественный праздник,
побед и стремлений сверкающий взлет!
С хорошею книгой по жизни шагаю
и нету преграды на чистом пути:
и мы к коммунизму — я верю, я знаю,
лишь с книгой хорошею
можем придти!

VII

От красоты сердец
красив Дворец,
он как весна —
пленителен и ярок.
А кто творец,
кто выстроил Дворец
и людям преподнес его
в подарок?
О, человек!
О труженик Земли,
тебе подвластны
тайны мирозданья:

ты в космос
запускаешь корабли
ты воздвигаешь
солнечные зданья.
И так же просто
по твоим следам
пойдет ребенок
к новому открытью, —
так подрастает
юный капитан
и подготовит
корабли к отплытью:
космический корабль
или морской,
а, может, трактор
на хлопковом поле
он поведет
уверенной рукой
по курсу,
что Историей проторен.

Стоит на площади Дворец,
как образец мечты.
А кто творец?
Любой из нас:
и я, и он, и ты!
Любой из нас
оставил след
и, гордые трудом,
заходят люди во Дворец,
как в свой родимый дом.
«Итоги года подвести», —
слова для всех знакомы,
но должен речь произнести
сам секретарь обкома.

О чем он будет говорить? —
затихли люди в зале:
— Друзья! Горжусь, что я могу
сегодня вас поздравить.
Я счастлив тем, что в этот день
стою я перед вами
и мне сегодня предстоит
вручить вам это Знамя.
Успехом вашим трудовым
республика гордится,
шагнула слава по стране
и до самой столицы.
И здесь, в Москве, колхоз «Москва»
заслуженно известен!
Пусть это знамя на века
у вас хранится с честью!
А вам, богатыри полей,
огромное спасибо,
пусть будет больше на земле
таких людей красивых,
горящих трудовым огнем
в победоносном марше.
Пусть больше будет с каждым днем
их на планете нашей!
К трибуне подходит моя героиня,
взволнована и смущена.
Достойное имя, высокое имя, —
которым гордится страна.
И Красное Знамя в руках,
огневое,
играет и плещет,
как будто живое.
И отблеск рассвета
багрянцем зари
по залу прошел

и на лицах горит.
Ответная речь
на бумажном листе
готова давно.
Только фразы не те...
И вот Энахон
отодвинула лист,
и голос раздался
и светел, и чист:
— Родные мои.
дорогие мои,
простите,
что путаны мысли мои...
Мы вместе
великое сделали дело —
и каждый из вас
настоящий герой,
ведь каждый из вас
был отважным и смелым,
а подвиг у нас непростой —
трудовой!
Но Партия новые
ставит задачи,
которые нам
разрешить предстоит.
Мы будем работать
с такой же отдачей,
с какою мы брали
рекорды свои!
Сегодня заверить
хочу руководство
от имени тех,
кто находится тут:
мы будем работать
и будем бороться

за мирное небо
и радостный труд!..
Спасибо,
еще раз большое спасибо...
(и слезы волненья
прервали ее),

Простите, что я
не сумела красиво...
Но с вами всегда
будет сердце мое!

И громы оваций,
как залпы орудий,
единым порывом
охвачены люди:

Во имя земли —
материнского поля,
во имя Народа,
во имя Истории, —
великой Державой
гордимся по праву!
Мы будем работать!
Во имя! Во славу!

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе 5

СТИХИ

Песня. *Перевод Л. Темина* 9
Ленин. *Перевод В. Кириллова* 10
Зодчий. *Перевод Л. Темина* 12
Заря Отчизны. *Перевод Л. Темина* 13
Ода хлопкоробу. *Перевод Л. Темина* 14
Роза из сада искусства. *Перевод Л. Темина* 16
Валя-Валентина. *Перевод М. Фофановой* 18
Сын народа. *Перевод Д. Петрова* 19
Любовь жизни (из цикла стихов) 21
Улыбка счастья. *Перевод Д. Петрова* . . . 21
Я невесту нашел. *Перевод Д. Петрова* 22
Достойной восхвалений стала наша судьба. *Перевод Д. Петрова* 24
Зачем я руку твою отпустил? *Перевод Д. Петрова* . 25
Ты — любимая моя. *Перевод Д. Петрова* . . . 27
Жених. *Перевод Д. Петрова* 28
Юная ты, юная! *Перевод Д. Петрова* 29
Волшебный купол (из цикла стихов) 31
Солдатская служба. *Перевод М. Фофановой* . 31
Шелковый купол. *Перевод М. Фофановой* . . . 32

Первый прыжок. *Перевод Л. Темина* 33
Крылатый взвод. *Перевод Е. Петровой* 37
Последняя ошибка. *Перевод Л. Темина* 39
Белорусской девушке. *Перевод Л. Темина* . . . 43
Воспоминания о родном крае. *Перевод Л. Темина* .48
Минута в воздухе. *Перевод Л. Темина* 50
Друзьям-десантникам. *Перевод В. Кириллова* . . 52

ПОЭМА

Жизнь начинается с зари. *Перевод А. Одинцовой и М. Фофановой* 55

5С

80 коп.

ИЗДАТЕЛЪСТ

000035354
Китобхонаи миллии Тоҷикистон